

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Анатолий Ильяхов

ИЗБРАННИК ВЕЧНОСТИ

Всемирная история в романах

Анатолий Ильяхов

Избранник вечности

«ВЕЧЕ»

2017

Ильяхов А. Г.

Избранник вечности / А. Г. Ильяхов — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8209-0

IV век до н. э. Александр, сын македонского царя Филиппа, наконец унаследовал власть, но в долгожданном событии радость смешалась с горечью. Александр печалится об отце, погибшем от рук убийц, и помнит его слова, сказанные незадолго до смерти: «Власть – не весёлая пирушка, а почётная неволя». «Оковы власти» тяжелы, но эта тяжесть посильна для того, кто рождён стать великим завоевателем. Такого человека не испугает вся военная мощь Персидской державы и не смутят предостерегающие слова философа Диогена: «У тебя не хватит сил дойти до края мира, завоевать всю Ойкумену». А ведь силы приходится тратить не только на войну. Они нужны, чтобы радоваться победам и вкусить пользу от них – стать истинным правителем, установив в завоёванной земле порядок... На это сил хватит? И останутся ли они на то, чтобы хоть когда-нибудь вернуться в Македонию?

ISBN 978-5-4484-8209-0

© Ильяхов А. Г., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Об авторе	6
Глава первая	8
Соперники	8
Последний приют царя Филиппа	12
Заговор	19
Глава вторая	24
Слуга Зевса	24
Глас народа	28
Крепкая рука	33
Глава третья	36
Проверка на прочность	36
Тем временем...	43
Жестокий урок	47
Тучи над Элладой	50
Глава четвёртая	54
Философ и царь	54
Дион	61
Царские хлопоты	65
Накануне	67
Глава пятая	70
Испытание Граником	70
Встреча с Артемидой	75
Прощение Милета	77
Царица ада	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Анатолий Гаврилович Ильяхов
Избранник вечности
Роман

Дочери Ирине посвящаю...

Боги – это бессмертные люди, а люди – смертные боги...
Гераклит

Об авторе

Анатолий Гаврилович Ильяхов, автор двух десятков научно-популярных и художественных произведений, родился в 1941 году в Сочи, в настоящее время живёт в Краснодаре.

До того как получить признание в качестве популяризатора Античности, писатель, по его собственным словам, прожил «большую и интересную жизнь инженера-строителя». Успешный карьерный рост от мастера участка до руководителя крупного производственного объединения сам по себе говорит о многом. Так же как и ответственная работа по контракту в Монголии и Афганистане в сложные для СССР годы.

В юности, общаясь со сверстниками из греческой диаспоры в Сочи, Анатолий Ильяхов услышал, что их предки – переселенцы из Греции. Возникший после этого интерес к греческой истории побудил познакомиться с трудами Геродота, Страбона, других историков. Так будущий писатель узнал, что греки ещё в VIII веке до н. э. «открыли» Чёрное море для торговли с местными племенами, массово организовывали поселения-колонии. Греческие полисы появились на побережье современного Крыма и Северного Причерноморья, в том числе города-государства Херсонес Таврический и Боспор Киммерийский, сосуществуя со скифами, таврами и прочими аборигенами Киммерийского полуострова.

В школьные годы Анатолий Ильяхов услышал имя Александра Македонского, воодушевился его полководческими подвигами и решил, что обязательно напишет о нём роман. Юношеская задумка стать писателем осуществилась через сорок лет, когда автор вышел на пенсию, ведь именно тогда появилась возможность перечитать собранные за всю жизнь в домашней библиотеке книги по античной тематике, переосмыслить собственные «литературные зарисовки», что велись все годы. В итоге помимо прочих трудов Ильяхов создал целых три романа о жизни Александра Македонского, каждый из которых отличается уверенной энциклопедич-

ностью и захватывающей исторической фактологией. Даже подготовленный читатель обнаруживает в них немало любопытных сведений.

Античный мир канул в прошлое и, казалось бы, навсегда отделился от современного бытия, но для писателя Анатолия Ильяхова древние греки, эллины, остаются живыми людьми со своими особыми страстями. Эти люди были способны на крайнюю жестокость и на удивительные прекрасные свершения, отчего их поступки и достижения, как и ошибки, преподают нам бесценный урок. По мнению автора, греческий историк Фукидид верно сказал, что «все исторические явления будут повторяться всегда, пока природа людей будет оставаться той же».

Дополнительные сведения о писателе А. Г. Ильяхове можно найти на сайте ilyahov.ru

Изданные книги автора:

- Этимологический словарь. Античные корни в русском языке. 2006.
- Зевсу посвящённые. Тайны древних олимпиад. 2006.
- Вакху посвящённые. Секреты античной кулинарии, застолья и виноделия. 2007.
- Эросу посвящённые. Античные любовные истории. 2007.
- Афине посвящённые. Античная мудрость. 2007.
- Пир мудрецов. Притчи, изречения, размышления. 2009.
- Античные корни в русском языке. Этимологический словарь. 2010.
- Эллада и Кубань. Путешествие в прошлое. 2012.
- Игры эллинов у подножия Олимпа. Три тысячи лет до 2014 (2012).
- Знак Зевса – роман. 2013.
- Уроки Аристотеля – роман. 2014.
- Наедине с мудростью. Древняя Греция. 2015.
- Закон и право. Словарь правоведа. 2015.
- Человек и природа. Словарь эколога. 2015.
- Экономика и финансы. Историко-этимологический словарь. 2016.
- Наука и производство. Политехнический словарь. 2016.
- Медицина. Историко-этимологический словарь. 2016.
- Избранник Вечности – роман. 2016.
- Философия разума. Словарь эрудита. 2017.
- Античность в русском языке. Этимологический словарь. 2017.
- Три чаши Диониса. Античный код современного виноделия. 2018.

Глава первая

Наследник македонского престола

Соперники

В Македонии бушевали страсти... Кому быть царем? По традиции, сын Филиппа не мог надеяться на престолонаследие по родовому принципу. Следовало вначале показать себя храбрым воином, затем стратегически мыслящим командиром отряда, потом старшим военачальником, способным не только направить войско в смертельную схватку, но замыслами способствовать победе. Также быть удачливым во всём, за что брался. Претендент на царский престол поначалу должен выделиться среди зрелых мужей государственным мышлением, мудростью, предвидением политических событий до такого уровня, чтобы в нужный момент повернуть ход истории в выгодном для Македонии направлении. Ничего подобного у Александра нет помимо того, что он сын царя, и храбрости, проявленной в сражении при Херонее: семнадцатилетний командир всадников неожиданным манёвром переломил сражение в тот момент, когда греки уже брали верх над македонянами царя Филиппа.

Весомым поводом для хороших отношений кандидата в цари с войском является также проявляемая щедрость, возможность регулярно подкреплять дружбу с боевыми товарищами, гетайрами^{*1}, подарками и разнообразными льготами, делиться военной добычей и отобранными у врага землями. В македонской армии вспоминают царя Филиппа, для которого эти качества являлись естественными, близкими его неукротимому характеру.

В отличие от предыдущих македонских царей, двадцать пять лет Филипп старался не властвовать, а управлять, придавая Македонии могущество, а народу – благо, преуспевание. И в отношениях с враждебными греческими полисами он предпочитал умиротворение через договоры, обещая процветание при его покровительстве. А кто упорствовал и не желал подчиниться «добрым намерениям», принуждал силой к покорности, расправлялся без жалости. Но кто знает, скольких усилий стоило ему исполнение царских обязанностей! Не имел привычки по этому поводу делиться с кем-либо сомнениями, тем более жаловаться на судьбу. Лишь однажды открылся перед сыном...

Разговор состоялся за несколько дней до Хероней*. Отец пригласил в кабинет и вдруг с не привычной для него теплотой обнял, давая понять, что хочет сказать нечто важное.

– Александр, ты знаешь, что недавно я особым указом вновь подтвердил, что ты единственный мой наследник, и если со мной случится что-либо непредвиденное, по македонскому закону, армия посмотрит на тебя. Через учителей и наставников я готовил тебя в преемники, но способен ли ты нести тяжкую ношу, зависит от тебя.

– Ты сказал «тяжкую»?

– Ты не ослышался! Царская власть – не весёлая пирушка с друзьями, она похожа на почётную неволю: вроде нет кандалов, а всё равно чувствуешь себя скованным. Увы, царь не свободен из-за обязательств перед теми, кто вознёс его на престол. Это армия, ветераны и полководцы. Всегда и везде, когда нужно назначить правителя, они выбирают человека в надежде на то, что из его присутствия у власти они извлекут свои выгоды. Совершенно не догадываясь, что этот человек, будучи царём способен лишить их всего, что у них есть, и перерезать вообще всех.

– Неужели все цари неблагодарные к своему народу?

¹ Слова, отмеченные *, см. в Пояснительном словаре в конце книги.

– Правителю трудно быть хорошим для всех! Удел царей – поступать благородно, делать людям добро и... всегда выслушивать поношения. Поэтому цари хотят, чтобы обращающиеся к ним просили только справедливого и говорили только правду, а также, чтобы они выбирали для просьб подходящее время и не просили того, что царям исполнять не следует.

– Аристотель говорил мне, что народ будет доволен, если царь поступает по справедливости.

– Ты говоришь «по справедливости»? Справедливость – это лицемерие и вынужденное соблюдение законов. Главное, что разделяет народ от царя – это разное понимание справедливости. Народ полагает, что царь должен доставлять ему возможно большее благополучие, а царь требует, чтобы народ доставлял ему то, что надо царю. Сильная власть – великая вещь, а из правителей лучший тот, кто пользуется властью с большим благоразумием, обращается, как с огнем: не подходит слишком близко, чтобы не обжечься, и не очень удаляется, чтобы не замерзнуть.

– Тогда зачем мне нужен царский престол? Не все ли равно – быть правителем или жить как обычный человек?

– От власти тебе не следует отказываться лишь потому, что ты из рода царей Аргеадов, потомок героев Геракла и Ахилла. Власть многим дурна, а хороша только одним – честью и славою. И если это власть человека лучшего из хороших людей, величайшего над великими. А кто так не думает, пускай пасет овец, лошадей и коров, а не людей. Предводитель людей не внушает страха, он отличается от остальных не роскошным образом жизни, а трудолюбием и умением предвидеть события. Вот такого царя народ полюбит.

Александр пробыл у отца до вечера в доверительном общении, редком в последние годы. Филипп делился с сыном жизненным опытом, словно давал напутствие на дальнейшую жизнь, уже без него. Говорил, что народ по странному стечению обстоятельств часто возвышает над собой того, кто ненавидит свой народ. И лучше, если царь добьется, чтобы подданные боялись не его, а за него.

– Никому не придет в голову избирать по жребию из каменщика, флейтиста или вообще любого ремесленника кормчего, кому нужно управлять кораблем. Раз ты хочешь управлять кораблем, ты должен быть вполне знакомым с обязанностями кормчего. Точно так же, если ты желаешь быть царём, тебе необходимо быть знакомым с искусством управления, иначе, в первом случае, ты можешь пустить ко дну корабль, во втором – довести государство до окончательного падения.

Отец взял Александра за плечи и, глядя в глаза, твёрдо сказал:

– Великое дело – завладеть властью, но еще более трудное – однажды получить, сохранить ее за собой. Помни это всегда, сын мой!

За время царствования Филипп создал могучую армию из военных специалистов, привычных к тяготам переходов и сражений. Реформировал войсковое командование и переоснастил вооружение, чем сумел приблизить царскую власть в Македонии к автократии – неограниченному и бесконтрольному полновластию, и подчинению своей воле Греции. С его участием война для македонян превратилась в доходное предприятие, работу. Воевать и грабить противника всегда выгодней, нежели трудиться на земле и делиться урожаем с хозяином земли, отчего Филиппу и в мирное время не приходилось сомневаться в личной преданности военных. Армия всецело подчинялась ему. При необходимости он назначал общевойсковое Собрание, где успешно разрешал государственные проблемы. Так что при царской власти народное волеизъявление в Македонии существовало, с поправками на демократию, как и во всей Элладе.

* * *

Македония замерла в ожидании общевойскового Собрания... Древние традиции требовали, чтобы армия перед очередным сбором на войну выбирала себе царя как первого человека в армии, полководца. Его власть прекращалась сразу после окончания военных действий. Уцелевшие воины возвращались к мирным занятиям и становились землепашцами, пастухами, охотниками. В мирное время военачальники не имели возможности командовать бывшими подчинёнными, довольствовались трудом наёмных слуг и нажитых на войне рабов. Так происходило веками, и цари возводились на престол через свободное голосование военных в Собрании.

Александр колебался: заявить себя претендентом на престол отца или не спешить, выждать, кто первый объявится. Соперники могут подослать убийц. И даже если сейчас убежётся, но проиграет, победитель не оставит в живых – таков негласный закон борьбы за царский венец... Перебирал, кто из военачальников, имеющих в армии реальную силу, влияние, на Собрании назовёт его имя?

В комнату вошёл Антипатр, первый советник отца. Догадываясь, что заботит царевича, дружески пожал руку.

– Александр, о чём твои мысли?

– Разве нет повода беспокоиться?

– На всё воля Зевса! Я не знаю, как сложится завтра день, кого прокричит войско, но надеюсь услышать твоё имя. А там уже как получится! – Александр недовольно передёрнул плечами: – Разве я не имею права стать наследником отца?

– Если речь идёт о македонском престоле, нет.

Юноша побледнел, глаза сузились. Советник успокаивал:

– Молодость – твой недостаток. Она смущает тех, кто ходил в походы с твоим отцом. В то же время тебя уже знают как бесстрашного воина. Это твоё преимущество.

Антипатр испытывающе посмотрел на Александра.

– Молодость пройдёт, а характер останется. Это важно! Поэтому не молодость будет тебе препятствием, а интриги.

Со значением повторил слова:

– Да, не твоя молодость, а интриги смертельно опасных соперников.

Антипатр прочно расположился на кресле и продолжил разговор:

– Отбросим сомнения насчёт твоего возраста. Я спрашиваю тебя, будто я все македоняне: ты способен заменить великого отца, который недавно обещал обеспечить могущество Македонии за счёт победы над Персией, много золота и рабов? В Коринфе на общегреческом Конгрессе городов-полисов Филипп тоже говорил об этом, после чего ему вручили должность архистратига*, или главнокомандующего объединённым греко-македонским войском.

– Ты ответил на свой вопрос, уважаемый Антипатр. Как сын своего отца я пойду туда, куда он позвал Элладу – на Персию.

– Я услышал что хотел. Теперь поговорим о твоих соперниках. – Советник понизил голос, словно боялся лишних ушей. – Каждый из них опасен, и прежде всего сыновья Аэропа из рода могущественных князей Линкестидов: Аррабей, Геромен, Неоптолем и Александр. Каждый может стать македонским царём, если войско выберет.

– Кто ещё?

– Аминта, твой двоюродный брат. Филипп стал его опекуном после смерти своего брата, царя Пердикки. А потом, когда он достиг совершеннолетия, войско захотело царём Филиппа. Помни, что соперники помнят об Аминте.

Советник замолчал, давая время для осмысливания, затем продолжил:

– У новой жены царя Филиппа, Клеопатры, недавно родился сын – малыш Каран, тебе сводный брат. У малыша есть права наследования престола. Достаточно Атталу захотеть стать его опекуном, и этот полководец, виновник твоего раздора с отцом, поборется за власть.

Антипатр нахмурился, невольно сдвинув брови к горбатой переносице.

– Аттал – самый опасный соперник! Кто воспротивится его намерениям? Риск для нас с тобой велик, но я попробую.

Он тронул поседевшую бороду, глубоко вздохнул. Заметив на лице царевича тень растерянности, поспешил с пояснениями:

– Ситуация непростая. Но, слава Зевсу, демократия в Македонии существует не по тем правилам, что в Афинах. Сократа убили, умники, и всё по справедливым афинским законам! Соберись и настройся на победу так, чтобы завтра народ увидел в тебе отражение царя Филиппа.

Антипатр подошёл к царевичу совсем близко.

– Верь, прежде всего, в себя, а потом мне.

Последний приют царя Филиппа

Убийство отца в Дионе во время свадьбы дочери потрясло Александра. Он стал невольным свидетелем трагического события. Родная сестра выходила замуж за царя Эпира, тоже Александра, и Филипп, уверенный в себе и любви народа, пренебрёг телохранителями; вместе с сыном и женихом направился в театр, где жители Пеллы и окрестных поселений, а также иноземные посольства и почётные гости терпеливо ожидали торжества. Бракосочетание обещало быть впечатляющим, с религиозными шествиями и спектаклями, жертвоприношениями и состязаниями выдающихся атлетов Греции и Македонии. Проходя через колоннаду входа, Филипп, ради эффектного появления перед народом, немного приотстал от сопровождающих сына и зятя и на какой-то миг оказался один. Царевич услышал сдавленный крик... Обернулся и с ужасом увидел отца, оседающего на землю, и спину убегающего человека... Запомнил изумление отца, не успевшего, наверное, осознать, что случилось, чего изменить уже нельзя... И потом на лице затухание жизни...

* * *

Советнику Антипатру принадлежала роль второго человека в придворном окружении Филиппа. Он служил ещё его отцу, царю Аминте, деду Александра: когда им приходилось надолго оставлять Македонию, ему доверяли решение проблем внутри страны. И всегда их наместник ответственно исполнял обязанности правителя, не вызывая кривотолков и суждений или, ещё хуже, подозрений в узурпации власти. В случае с царём Филиппом предстояло обсудить с родными и близкими покойного условия погребения, а потом уже вопросы престолонаследия. К тому же у молодой вдовы Клеопатры на руках двое малышей. Нужно ещё выслушать мнение Александра и Олимпиаду, недавнюю супругу Филиппа.

Антипатр нашёл царевича в кабинете, хранившем следы недавнего пребывания отца. Столешница из каштановых досок завалена непрочитанными папирусами, о чём свидетельствовали нетронутые восковые с глиной печати; несколько недописанных листов. Горсть тростниковых каламусов*, две чернильницы, одна с «секретным» составом – для государственных документов, и другая – из сажки. Застеленное шкурой белого барана ложе для отдыха с приподнятым изголовьем; скамеечка для ног. Инкрустированный перламутром десертный столик с привядшими яблоками; бронзовый логенос с продолговатым горлышком и ручкой хранил недопитое вино.

Антипатр по-стариковски осторожно присел на свободный стул. Царевич занимал клисмос* со спинкой и гнутыми ножками в виде львиных лап.

– Александр! Я разделяю твои чувства, понимаю горе любящего сына и желание отомстить за отца. Единственно, что должно успокоить в какой-то мере, что убийца наказан.

– Кто поверит, что Павсаний действовал в одиночку? За оградой театра ожидали кони; он едва не избежал возмездия!

Антипатр вздохнул. Ему самому не терпелось разобраться в загадочной истории с убийством. Определиться, кому выгодно оголить македонский престол в тот момент, когда уже первое македонское войско отправилось к границам Персии. Война вот-вот начнётся! Под подозрение подходили не только персидский царь, подстрекавший греков на убийство македонского царя, ещё Афины, Спарта, Фивы, открыто презиравшие Филиппа. Греки называли его балканским варваром, мечтали освободиться от власти нового гегемона* Греции. Но сейчас нужно решать другие вопросы.

– Александр, мне нужно узнать, каким ты видишь погребение отца? – нарочито скорбно спросил советник.

Царевич мотнул головой.

– Антипатр, прошу, организуй обряд, как требуют законы наших предков, и чтобы о нём долго говорили. Похороним в Эгах, а погребальные игры, поминальный пир устроим в Дионе. Отец любил Дион, откуда отправлялся в походы, куда возвращался с победами.

– Хорошо сказал. Пусть твой отец думает, что отправился в последний поход.

Глаза царевича повлажнели. Он резко поднялся и, нервно размахивая руками, зашагал по кабинету. После недолго молчания решительно заявил:

– Наш предок Ахилл у стен Трои почтил память друга Патрокла боевыми агонами*. Организовал состязания колесниц, кулачные поединки, борьбу атлетов. При доспехах и оружии воины соперничали в беге, дальности бросков камней и копий, меткости в стрельбе из луков. В память об отце я намерен пригласить в Дион самых именитых атлетов из Греции и Македонии.

– Согласен. Хороший поступок любящего сына. Он укрепит веру македонян, что у царя Филиппа есть достойный преемник.

Он внимательно посмотрел на царевича.

– Из-за огромных успехов в политике и войнах твоего отца многие признавали его великим стратегом, как македоняне, так и греки с персами. Отсюда проявление разноречивых чувств. Я даже не в состоянии ответить, кого у него больше – друзей или врагов. – Антипатр отвлекаясь кашлянул. – Поэтому я тебе говорю, Александр, мы разберёмся, кто тебе друг, а кто – враг. Но сначала окажем почести нашему царю. Предлагаю вместе переговорить с твоей матерью. Один я не хотел бы встречаться с ней.

* * *

Весть о трагической кончине Филиппа в Дионе принёс на женскую половину дворца, гинекей, посыльный от Александра. Олимпиада находилась в Пелле, поскольку, опасаясь непредвиденной выходки от неё, Филипп запретил бывшей супруге присутствовать на свадьбе дочери.

Олимпиада, образованная и впечатлительная дочь эпирского царя Неоптолема, выходила замуж за молодого Филиппа, не помышлявшего о македонском престоле; настроенная любить мужа всю жизнь, надеялась на взаимность. Брачная ночь, беременность, рождение сына... Сколько счастья и любви испытали они поначалу вместе! Однако походы, амбиции в политике, друзья, пиры и посторонние женщины постепенно оторвали обожаемого супруга от семейных уз, после чего Олимпиада перенесла нерастратенную любовь на сына. Распростерла над ним крылья, как заботливая орлица, готовая в любой момент броситься на защиту птенца от любой напасти. А после того как супруг увлёкся молоденькой дочерью своего военачальника, обожание и почитание сменились обидой и равнодушием, а затем бессильной яростью и ненавистью.

Александр не видел мать месяц, наверно, поэтому сразу не узнал её: от окна обернулась красивая женщина в белой тунике с открытым плечом. Мать выглядела гораздо моложе своих лет. Длинные волосы золотистого цвета уложены изящным узлом, сверху – серебряная диадема с драгоценными камнями; на пальцах перстни и кольца. Ухоженное белилами и румянами лицо, округлые линии тёмных бровей и подведённые копотью глаза не обнаруживали намёка на печаль...

Александр рассмотрел едва уловимую улыбку на губах алого цвета, напомнивших вдруг кровь отца на каменных плитах театра...

Олимпиада, довольная произведённым эффектом, ожидала разъяснений. Антипатр то ли ничего не обнаружил, то ли остался верным собственному принципу – никогда и ничему не удивляться, с осторожностью начал:

– Царица, военачальники Филиппа, его хилиархи*, настаивают, чтобы прах остался в Пелле, где он родился и занял престол. Из Пеллы распоряжался Грецией и Македонией, грозил Персии.

Олимпиада резко оборвала советника:

– Филиппу оставаться в Эгах!

– Но старую резиденцию мало кто посещает, а в Пелле захоронение царя у всех будет на виду. И Клеопатра на этом настаивает.

– Мнение шлюхи меня не интересует! А твои военачальники разве забыли, где находятся усыпальницы македонских царей? Прекратим ненужный спор!

Лицо Олимпиады покрылось мелкими морщинами, и сразу она стала похожа на прежнюю – страдающую и озлобленную на жизнь женщину. Антипатр тоже это заметил и промолчал.

Оставшись одна, Олимпиада поймала себя на мысли, что одержала первую победу над молодой соперницей, и улыбнулась...

* * *

Обнажённое тело царя до погребения сохраняли в коробе с расплавленным воском. В день похорон в помещении с покойником затемно собрались наголо остриженные плакальщицы в чёрных одеяниях. Со скорбными лицами они исполняли свою работу: с причитаниями били себя в грудь, выкрикивали плачи, в кровь царапали ногтями себе щёки. Приглашённые актёры пронзительно голосили френы – печальные песнопения, призывая присутствующих к выражению общего горя.

Две мрачного вида женщины готовили вынутого из короба покойника: омывали, натирали благовонными маслами, облекали в белые одежды. Четверо мужчин уложили тело на деревянное с позолотой ложе, убранное благоухающими ветками священного мирта.

Александр появился с матерью, когда собрались друзья Филиппа, царские вельможи и военачальники. С унылыми лицами они поглядывали на того, кого недавно называли товарищем, покровителем, властителем. Растерянно осматриваясь по сторонам, все словно спрашивали: «Что дальше? Как сложатся их судьбы?»... Каждый знал, что за двадцать пять лет царствования Филиппа обнищавшая разобшенная страна, погрязшая в княжеских междоусобицах и дворцовых распрях, обрела небывалое могущество, заставив потесниться сильнейшие военные державы – Афины, Фивы и Спарту. Что теперь ожидает Македонию? Кто станет царём, и есть ли надежда, что новый властитель удержит сложившееся политическое равновесие между Македонией, Грецией и Персией? Понятно же всем, заслуга Филиппа не в том, что после разгрома объединённого войска греческих городов при Херонее* Греция покорилась Македонии. Мирными переговорами вначале он добился мира между македонянами, затем между македонянами и греками и уже потом заставил друзей и врагов уважать Македонию и его самого как политика и стратега. Кто теперь сможет сохранить то, чего добился при жизни царь Филипп?

Жрец вложил за щеку покойнику медный обол* – лодочнику Харону за перевоз в царство мёртвых через реку Лету*. В руку умершего – медовую лепешку, призванную умиловить трёхглавого пса Цербера, охраняющего вход в царство мертвых.

Возгласы плакальщиц усилились; погребальный трен* сопровождался непрерывным голосящим воем. Некоторые женщины впадали в транс: разрывали на себе туники, тряслись телом и с пеной на губах оказывались на земле...

* * *

Подготовительное действие продолжалось до восхода солнца. С первыми лучами солнца ложе с покойником вынесли наружу и поставили на колесницу, запряжённую четвёркой коней

чёрной масти. Печальная процессия в сопровождении дворцовых гвардейцев-«сереброшитоносцев», аргираспидов*, жрецов и македонской знати направилась к месту погребения, в сторону зеленеющей долины Галиакмона*. Мужчины с чёрными повязками на руках хмурились, стенаниям женщин вторили резкие звуки флейт-авлосов*. Горожане и сельские жители с ближайших поместий толпились по обеим сторонам дороги и смотрели, кто – с сочувствием, кто – со злым взглядом. Их настораживали возможные перемены в худшую сторону.

Для погребального костра приготовили двадцать стволов священного белоствольного тополя – чести, которой удостаивались цари и герои. Младшие жрецы – неокоры* – с особым сбережением сняли покойника с колесницы, обернули в асбестовое покрывало и поместили на верху сложенных стволов. Иеродул – главный распорядитель обряда, с красной повязкой на лбу – инфулой – призвал народ к евфемии – обрядовой тишине перед жертвоприношением. Подал царевичу горящий факел.

– Вместе с огнем и дымом дух царя Филиппа выйдет из оболочки тела и вознесётся к богам Олимпа.

Пламя коснулось торца крайнего дерева, политого оливковым маслом; вначале показался дым, потом пламя вспыхнуло и занялось повсюду... Внезапно поднявшийся ветер лихо закрутился в траурном танце.

– Боги принимают его душу, – с удовлетворением произнёс иеродул.

Окутанный смрадной копотью асбестовый «кокон» скрылся из виду; участники печальной церемонии стали свидетелями того, как душа упокоенного царя с устрашающим гулом возносилась в божественную обитель...

Отвернув по обряду лицо от костра – за погребальным ритуалом следит богиня Эпитимбия*, – иеродул бросил в огонь отрезанные волосы Филиппа; присутствующие торопливо повторяли его действие, бросая в огонь каждый свою агальму* – жертвенные дары: благовоения, золотые и серебряные монеты, праздничную одежду, дорогую посуду, оружие, драгоценности...

Прошло много времени, пока вместо огнедышащего кострища не образовалась огромная куча ярко пылающих угольев. Оберегаясь от нестерпимого жара, сикофанты особым способом ловко достали нестерпимо горячий асбестовый «кокон». В стороне развернули и тщательно собрали пепел с несколькими несгоревшими костями. Остудив кости на ветру, промыли, покрасили в синий цвет и передали иеродулу, а он, обернув их в пурпурную ткань, положил вместе с пеплом в погребальный ларец. Перед тем как закрыть, вложил поверх ткани золотой венец, пролил жертвенное вино и подал Александру. По обычаю, сыну следовало распорядиться прахом отца. Он посмотрел на мать, но она вдали от пепелища безучастно смотрела в сторону...

После кремации огонь кострища долго ещё заливали из амфор лучшими сортами вин.

Первыми уходили женщины, за ними мужчины.

* * *

Для устройства последнего пристанища Филиппа в Эги со всей Македонии заблаговременно прислали лучших каменщиков. Трудились три дня и три ночи. Начали с глубокой ямы, где возвели небольшой храм с двумя камерами.

Александр поместил золотой ларец с прахом отца на каменные плиты первой камеры, заботливо укрыв драгоценной тканью пурпурного цвета. Рабы заполняли усыпальницу привычными для царя предметами обихода: амфорами с лучшим вином, золотыми и серебряными чашами, блюдами с уложенной доверху пищей, бронзовыми светильниками. Поставили железный треножник для жертвоприношений и костяную скребницу – для посещения «послежизненной» бани. Не оставили Филиппа и без боевого снаряжения: в углу оставили нагрудный

бронзовый панцирь, короткий меч и пику, позолоченный щит, железный шлем с позолотой, бронзовые наколенники. В центре второй части усыпальницы устроили саркофаг – богато украшенное мраморное ложе с изящным фризом из скульптурных миниатюр людей и мифологических персонажей. Оставили высокий бронзовый лекиф – сосуд с благовониями.

Завершив приготовления праха царя к путешествию в потусторонний мир, Антипатр распорядился наглухо закрыть гробницу.

Рабочие подтащили на катках тяжелые каменные плиты и приготовились по команде поставить на место. В этот момент раздался громкий истеричный плач. Кричала Меда, дочь фракийского царя Кофелая, одна из первых жён Филиппа. Давно им оставленная, она проживала в Пелле его содержанкой. Расталкивая воинов, женщина бросилась к саркофагу и, содрогаясь от рыданий, обняла мрамор, словно любимого супруга. Двое жрецов попытались оттащить, а она вдруг выхватила откуда-то из складок одежды нож и ударила себя в грудь...

Иеродул в растерянности поспешил к Антипатру. Советник быстро нашёлся, пояснил ему и царевичу:

– Меда – фракиянка из гетов*, у них в обычае: если муж умирает, жена добровольно сопровождает его.

Жрец кивнул головой:

– Поступок фракиянки не соответствует обряду предков македонян, но, если так, пусть остаётся.

Александр повернулся в сторону матери, но по её безучастному виду понял, что её можно не спрашивать.

Истекающее кровью тело Меды не стали тревожить, оставили как есть; укрыли пурпурной тканью, затканной золотыми нитями с изображениями цветов. Сверху возложили диадему в виде золотых стеблей со множеством завитков и бутонов на витых золотых стеблях. Усыпальницу прикрыли каменными плитами, залили толстым слоем жидкой глины, смешанной с гипсом. После этого участники церемонии прошли мимо места погребения и кидали горсти земли. В результате образовался высокий холм – надёжное укрытие от вездесущих грабителей.

Люди уже начали расходиться, как услышали протяжное лошадиное ржание. Один из любимых коней царя словно попрощался с хозяином. Иеродул спохватился:

– Боевой друг не хочет расставаться.

Коня привели на вершушку свеженасыпанного холма: он не упирался и лишь тихо пофыркивал, роняя слюну... Резкий удар меча конюха, и тёмная кровь боевого друга, пульсируя, медленно пролилась на могилу...

На месте погребения Александр совершил жертвоприношение, после чего начались обрядовые танцы. В круг вышли вооружённые люди, верхняя часть тела обнажённая, с мечами и щитами; встали друг против друга, изображая противников. Под резкие звуки флейт они нападали с яростными криками, воспроизводя боевую схватку, не проявляя страха или сбережения жизни. В размеренном темпе воины устремлялись друг на друга, нападая и отступая, чередовали выпады оружием с ловкими прыжками. Трое исполнителей в каждой руке держали по щиту; так действовали только опытные исполнители, в доказательство того, что могут справляться сразу с двумя противниками. Закончился танец быстрыми круговращениями и ловкими кувырками через голову; щиты из рук танцоры не выпускали!

На поминках македонского царя такой представилась пирриха – яркий воинственный танец, пришедший в Элладу с древнего Крита от куретов, легендарных воспитателей младенца Диониса.

* * *

Приближённые к царской семье с цветочными венками на головах проследовали на поминальный пир – перидейон. Под вместительными навесами на пиршественных ложах и за столами расположились друзья покойного, высшие военачальники, посланники греческих полисов*, приглашённые гости. Рядовым воинам и командирам раздавали мясо жертвенных животных и кувшины с вином из царских хранилищ. В честь царя Филиппа звучали похвальные речи, поскольку иные не допускались. Александр почти не прикасался к вину – он помнил поведение отца на пирушках, но к речам прислушивался с особым вниманием. Ему важно знать, кто поддержит его в предстоящей схватке за престол, на кого можно будет опереться на общевойсковом собрании. Но мысли всё время возвращались к только что завершившемуся погребению...

Почему человек умирает, и что с ним происходит потом? Как он чувствует грань, отделяющую мир живых людей от мёртвых? А если богиня неизбежности Ананке* всё равно приходит за каждым, нужно ли страшиться и переживать в ожидании смерти? Сегодня отец отошёл в царство Аида с медной монетой во рту... Неужели и там без денег не обойтись? Забавно! А если монету не положить, Харон откажется перевозить тень усопшего? Хотя говорят, что без монетки душа обречена блуждать по эту сторону подземной реки, не найдя успокоения...

Неожиданно снаружи царского навеса возникла шумная возня, послышались возбуждённые крики, проклятия... Пирующие оставили ложа и выскочили наружу. Виновником оказался македонянин Корраг, огромного роста, почти великан, известный силач, неукротимый в бою. Напротив него в напряжённой позе стоял Диоксипп, олимпионик* из Афин, приглашённый Антипатром для участия в бойцовских состязаниях. Разгорячённый вином Корраг задирал афинянина и, несмотря на его самое почитаемое в Греции звание олимпионика и внушительный вид, безудержно поносил оскорблениями. Подстрекаемый земляками, вызывал Диоксиппа на поединок в то время, как подобное выяснение первенства в силе не входило в его планы.

Участники пира, порадовавшись возможности развлечься, да ещё смертельно опасным поединком, стали подбадривать Диоксиппа, пока он не согласился. Замечательный повод для ставок – Македония против Греции, притом что каждый желал победу своему земляку. Поспешили организовать большой круг, оставив соперников в центре.

Корраг надел бронзовый панцирь, представ неистовым богом войны Аресом – с коротким копьём в руке и мечом на поясе. Диоксипп, к всеобщему изумлению и восторгу, выступил обнажённый, умащённый маслом, восхищая зрителей красивым тренированным телом. Выразительно двигая мышцами, он сжимал в руках дубину, представляясь, видимо, могучим Гераклом, вышедшим на схватку со львом – пример достойного восхищения каллогатией*, совершенством человеческой личности.

Избранный тут же из сотрапезников судья хлопнул в ладоши, и схватка началась. Корраг без промедления совершил выпад копьём, но олимпионик увернулся и ловко отразил удар дубиной. Копьё с громким хрустом переломилось! От неожиданности Корраг растерялся, схватился за рукоять меча, но афинянин не позволил это сделать: схватил его руку своей рукой, мёртвой хваткой, и резко ударил головой в грудь. Гигант пошатнулся, а Диоксипп быстро наклонился и, ухватив его за ноги, опрокинул на землю. Корраг попытался встать, видимо, не соображая, что с ним могло случиться, а противник поставил ногу ему на шею и замахнулся дубиной, чтобы прикончить. Перед тем успел оглянуться на зрителей и понял, что зрители не желают увидеть такой исход поединка.

– Отпусти его! – выкрикнул Александр и нехотя добавил: – Будет тебе награда!

Друзья Диоксиппа и гости из Афин встретили его слова одобрительными возгласами: «Вот сын, достойный своего отца!» Афиняне украсили победителя поединка лентами и цветами, подхватили на руки и с эпиникиями, победными песнями, понесли по улицам города.

Неожиданное событие оживило поминальный пир, но македонским сотрапезникам Александра поединок радости не прибавил. Недовольный поражением Коррага, царевич бросил ему в лицо:

– Зачем ссору затеял, если не выиграл? Понадеялся на силу? Забыл, что смелость противника – это начало его победы. Сила духа превосходит силу тела, а немощь духа вреднее немощи телесной.

Антипатр поддакнул:

– Твой отец презирал людей вроде Коррага за то, что они не думают о последствиях. Прежде чем объявить войну, царь Филипп достаточно долго размышлял, взвешивал собственные преимущества перед врагом, выискивал свои и чужие недостатки, вследствие чего побеждал чаще, чем проигрывал.

В конце поминального пира советник негромко произнёс, для царевича:

– Македоняне, знавшие о твоей ссоре и разногласиях с отцом, сегодня увидели любящего сына. Его душа нашла блаженный покой в зелёных лугах Елизея*. Но не оплакивай долго его, тебе предстоит большое испытание – побороться за престол. Будь готов ко всему!

Заговор

В Македонии издавна принято, чтобы родные и знакомые покойного, друзья и все, кто уважал его при жизни и не хотел терять память о нём, посещали могилу на третий, девятый и тринадцатый день после смерти. Приносили дары и еду, вызывали дух покойного, спрашивали советы. Часто привлекались бродячие музыканты, сопровождавшие обряд игрой на лирах, что давало возможность душе покойного порадоваться в мрачном царстве Аида.

В конце месяца после погребения у царевича опять появился Антипатр; его озабоченный вид указывал на серьёзные намерения.

– В Пелле говорят, что твоя мать не совершила ни одного жертвоприношения в память царя Филиппа. Не хочется верить, но неуважение к традициям предков бывшего супруга со стороны эпирянки по рождению вызывает не только удивление.

– Македоняне знают, как мой отец обидел её.

– Но тогда она не хочет видеть тебя на македонском престоле.

Царевич поднял брови. Советник пояснил:

– Говорят, что твоя мать не скрывает радости из-за гибели царя македонян!

– Её не оправдываю, но после ссоры с отцом из-за его женитьбы на Клеопатре и у меня к нему возникло отчуждение. Пусть в Македонии и меня осуждают!

Советник вздохнул.

– Я тебя понял, но хочу сообщить неприятную новость. Возможно, ты по-другому построишь свои отношения с матерью.

– Неужели есть новости страшной гибели отца?

– Спроси, где находилась в ночь после убийства и что случилось с трупом убийцы Павсания, после того как его подвесили к крестовине?

– Антипатр! Я слышу ужасные слова! – вскричал царевич. – Я требую пояснений!

Советник не заставил долго себя просить. Он любил во всём ясность, особенно в делах, касающихся царской семьи. Хотя по тому как он свёл брови, разговор предстоял быть трудным.

– Александр, твой отец называл меня своим другом. Я ходил с ним в сражения. Теперь хочу принести пользу тебе. Я поддержу тебя в претензиях на престол, хотя будет нелегко, и потому не могу тебе позволить допустить промахи в поступках, как и относиться равнодушно к действиям царицы в последнее время. Враги могут только радоваться!

– У меня есть враги?

– У кого их нет! Ты узнаешь имена, как только объявишь, что готов бороться за престол, как преемник дел своего отца.

– В чём подозревается моя мать? – нетерпеливо прервал Александр.

Антипатр многозначительно посмотрел на него.

– Царица велела снять ночью тело Павсания с перекладины, куда его повесили по справедливости, как разбойника. Люди видели, как она возложила на голову убийцы венок из золотых листьев. А такую награду народ даёт своим героям! Затем велела слугам сжечь тело Павсания на месте, где погиб царь. А потом прах убийцы рассыпала на могиле жертвы, завершив всё жертвоприношением в память Павсания. Забрала меч, которым он пронзил твоего отца, и принесла в храм Диониса, оставив как жертвенный дар.

– Ложь! – Александр едва не зашёлся в крике. – Зачем это нужно моей матери?

– Я тоже хотел бы спросить у царицы, зачем? Её затея опасна для вас двоих.

– Если начал, скажи, что сам думаешь?

– Хорошо, попытаюсь, в меру моих догадок.

Лицо царевича мрачнело по мере того, о чём говорил Антипатр. Так она мстила за боль и унижение от бывшего супруга. Зная, что для эллина нет проклятия страшнее, чем остаться

непогребенным, царица лишила убийцу законного наказания и помогла обрести покой. Тем самым вдвойне наказала Филиппа.

Антипатр, понимая, что разговор устремился в нужное русло, перешёл в наступление:

– Я имею сведения, что незадолго до ужасного преступления Павсаний приходил к твоей матери, искал защиты.

– Защиты? Телохранителя царя кто-то обидел? Не верю!

Антипатр словно не слышал его:

– Нетрудно догадаться, что он надеялся найти поддержку после того, что с ним случилось.

– Я ничего не знаю!

– О, Александр, ты многого не знаешь, потому что после ссоры с отцом ты мало интересовался жизнью дворца.

– Я помню ужасный день, свадьбу отца с юной девицей. Хилиарх* Аттал пожелал скорейшего появления наследника, сына от своей племянницы. Я оскорблён и готов убить Аттала за то, что он бессовестным образом отбирал мои законные права наследника отца!

Голос царевича задрожал; он отвернулся, скрывая навернувшиеся слёзы. Пока он боролся с нахлынувшими на него чувствами, советник говорил:

– Я свидетель случившегося, мне и тогда не понравились слова Аттала. Но прежде хочу найти ответ на вопрос: почему Павсаний совершил убийство своего господина? Все при дворе знали, как Филипп ценил усердие своего телохранителя, выделял из всех пажей, приблизил к себе. Как раб посмел посягнуть на жизнь хозяина?

– Павсания трудно назвать рабом, он из родовитой семьи, и служил царю с удовольствием. Хотя не трудно догадаться о причинах, почему паж пошёл на преступление.

Антипатр обдумывал каждое слово, прежде чем сказать то, что хотел:

– Юноша имел привлекательную внешность, дышал молодостью, на него заглядывались мужи из окружения царя. Царь благоволил Павсанию, назначил постельничим*, сделался старшим другом, а позже остыл в чувствах, как всегда. На этот раз, увлёкшись молоденькой племянницей Аттала. Чем не повод для неприязни?

Александр слушал с настороженным вниманием и всё глубже осознавал чудовищный смысл слов советника. Любимый военачальник и друг царя Аттал с некоторых пор начал приставать к Павсанию с грязными предложениями, соблазнял различными подарками и благами, а преданный царю Филиппу юноша избегал его. При этом не ставил в известность своего покровителя о домоганиях Аттала. А тот не отступался от своего и однажды, устроив у себя дома пирушку, пригласил своих друзей и царя, зная, что тот явится с Павсанием.

В глазах Александра блеснуло любопытство.

– Что дальше?

– А дальше случилось, как замыслил Аттал. Он поручил слугам напоить Павсания, а потом доставить его в спальню, где надругался над ним.

– Каков подлец!

Антипатр продолжил безжалостное повествование:

– Аттал вернулся к застолью и со смехом предложил друзьям воспользоваться беспомощным состоянием Павсания. Всё так и произошло.

– А что отец? Неужели не вмешался, простил хозяину дома его мерзость?

– Аттал с умыслом сам напоил царя и отправил спать. На другой день Павсаний пожаловался на обидчиков – я находился рядом, всё слышал, – но твой отец лишь посочувствовал и, похлопав по плечу, сказал с улыбкой: «Не сердись, с тебя не убудет!»... А вскоре юноша узнал, что царь не только не наказал Аттала, но ещё повысил в должности. Вот и подумай, Александр, мог Павсаний затаиться в мести к царю?

С юных лет Александр не воспринимал ни от кого предательства, вероломства или коварных приёмов ведения борьбы и не допускал их для себя. Но как быть с отцом? Если обвинять

его в предательстве Павсания, тогда убийство с его стороны подтверждалось. Эти мысли не укладывались в голове. И всё равно один Павсаний не додумался бы до убийства царя. Кто-то подтолкнул к преступному действию...

Александр перебирал в памяти имена придворных сановников и военачальников, способных составить заговор. Под подозрением оказались даже гвардейцы – возможно, они намеренно допустили убийство, потому что убили Павсания, когда он убегал и, запнувшись о корневище виноградного куста, упал. Убийца признался бы под пытками, а теперь унёс тайну... Приходится строить догадки. Если верить Антипатру, мать может быть причастна, вольно или невольно, к соучастию в преступлении... Она могла посоветовать обезумевшему от бесчестия юноше отомстить...

Словно угадав его мысли, советник неожиданно заявил:

– Александр, я беру на себя смелость сказать, что в этой истории могут обвинять и тебя.

Увидев растерянное лицо царевича, поспешил добавить:

– На свадьбе отца ты сгоряча унизил его перед влиятельными людьми Македонии и гостями из Греции. В ответ он проклял тебя и лишил права наследника. Тень заговорщика лежит и на тебе, Александр.

Советник приобнял его за плечи.

– Царя Филиппа Македонии не вернуть, как и сыну отца. Убийца наказан, а нам дальше жить. Товарищем быть не позволят возраст, но как друг твой послужу верно, сколько боги позволят. Ещё раз подумай, и если найдёшь в себе силы и уверенность побороться за престол, я с тобой до конца.

* * *

После встречи с советником Александр порывался объясниться с матерью в тот же день, но что-то помешало. Затем отвлекли события, связанные с наследованием имущества отца. Неожиданно Олимпиада объявилась сама, прислала служанку с запиской – соскучилась, желает встретиться с сыном...

Царица встретила сына с кроткой улыбкой. Обняла с нежностью, долго не отпускала, словно боялась, что не успеет насладиться его присутствием.

Она любила своего первенца неистово, ревновала к кормилице и няне. Впервые возненавидела мужа, когда он, следуя македонским традициям, забрал семилетнего Александра на мужскую половину дворца, чтобы о нём заботились греческие учителя и воспитатели. Потеряв право влиять на воспитание ребёнка, Олимпиада продолжала обожать его и при удобном случае втайне от мужа баловала – посылала любимые сладости, позволяла отоспаться в гинекее* после нелегких физических занятий.

Расставшись с Филиппом, Олимпиаде удавалось больше общаться с Александром, а когда прах царя упокоился в могильном кургане, надеялась видеть сына чаще. При встречах не упускала случая поговорить о том времени, когда он станет царём, а она будет его помощницей в делах, властительницей Македонии, и ради этой цели готовилась противостоять любым соперникам.

Воспринимая любовь матери естественной, Александр не поддавался её порывам. Особенно противился попыткам решать всё за него, опекать как малого ребёнка. Порой тяготился её любовью. Вот и сейчас, заглядывая в светящиеся от счастья глаза, Александр знал, как сложно вырваться из-под тяжкого бремени её любви. В то же время мать – самый близкий человек; в окружении врагов, скрытных и явных, разве этого мало? Кому, как не ей, довериться?

Осторожно освободившись от объятий, царевич выбирал момент, чтобы приступить к трудному для себя разговору. Подбирая нужные слова, отводил глаза, пока Олимпиада ласково гладила его по голове.

– Александр, почему не навещаешь меня? Ждешь, пока позову? А я думаю о тебе, мой мальчик, волнуюсь – где ты, с кем ты. Помни, вдвоём нам есть о чём говорить.

Александр сдержанно улыбнулся.

– Я всегда помню, что у меня есть мать.

– Я всегда думаю о тебе. Ты молод, а мать готова тебе помочь.

Александр старался понять, насколько она откровенна с ним. В комнате витал едва уловимый запах тимьяна*: готовясь к встрече с сыном, Олимпиада приняла оздоровительную ванну. На ней шерстяная накидка, под невысокой грудью виднелся кожаный пояс в виде двух сплетённых змей с глазками из мелких драгоценных камешков.

Александр мягко отстранился от матери. Она насторожилась; глаза сузились, в глубине сверкнули недоверием зелёные молнии. Неожиданно ему припомнилось, как бледная мать с лихорадочным блеском в глазах смотрела на пламя погребального костра, пожирающее тело Филиппа, в отсветах жертвенного огня на лице блуждала... усмешка. Тогда он не придал значения, а сегодня... Спросил, не отрывая взгляд от неё:

– Зачем ты так поступила с убийцей моего отца?

– Не понимаю, сын мой.

– Я слышал неблагоприятные разговоры о тебе. – Голос Александра дрогнул. – Не хочу верить, что ты совершила преступный обряд над Павсанием.

– Что ещё говорят? – Царица догадалась, с чем пришёл Александр.

– Говорят, ты надела на голову убийце венки героя и велела сжечь тело на могиле отца.

– О, Дионис! – Олимпиада воскликнула трагическим голосом. – Сын бросает страшное обвинение родной матери!

Александр догадался, что мать в этом замешана.

– Ещё говорят, что Павсаний получил от тебя поддержку в своём намерении убить своего царя.

Неожиданно лицо Олимпиады изменилось: губы скривились, голос обрёл привычную угрожающую твёрдость:

– Да, я велела похоронить Павсания, сожгла тело и прах рассеяла на могиле бывшего супруга!

Александр онемел. Олимпиада уже не останавливалась:

– Я приготовила коней для Павсания; жаль, не смог воспользоваться! Но он не убийца, а герой, погубивший злодея! Палач, казнивший преступника! Смерть твоего отца – возмездие за зло, причинённое Павсанию, и моя месть!

Выдохнув страшную тайну, царица сникла; сразу куда-то делась горделивая осанка. Она зарыдала:

– Александр, ты можешь ненавидеть меня, но не отвергай мою любовь к тебе, иначе я умру.

Александр никогда не видел мать такой беззащитной, жалкой, несчастной. Понимал очевидность в её откровении, и он недалёк от истины. Павсаний, неся в себе тяжкий груз насилия и особенное пагубное безразличие царя, не знал, у кого искать защиту. От безысходности явился к Олимпиаде в надежде на то, что она каким-то образом повлияет на бывшего супруга, добьётся справедливого наказания обидчика Аттала. Но беднягу её слова не утешили:

– Милый юноша, я воспринимаю твою боль как собственную. Твой господин тоже унижил меня, оскорбил. Я называю царя Филиппа злодеем, мы оба жертвы его преступления. Но я женщина, и мои унижения остаются со мной. А ты мужчина, поэтому твоё бесчестье сильнее моего. Ты обязан поступить как мужчина.

– Но злодеев, по меньшей мере, двое!

– Злодей не тот, кто совершает зло, а кто его покрывает, – услышал юноша.

– Царица, умоляю, назови имя! – с рыданиями вскричал Павсаний.

– Не мне судить, кто более достоин благородной мести, – холодно ответила царица.

Юноша ушёл в смятении. За день до убийства царица прислала к нему своего духовного наставника, из софистов*. Он беседовал с Павсанием до вечера; неизвестно, что говорил софист, но, судя по дальнейшим трагическим событиям, в раненом сердце царского телохранителя восстал огонь кровавой мести.

* * *

Александр ушёл в смятении. Напрасно пытался уснуть, долго ворочался на постели. А когда уже задремал, вспомнил, что Павсаний тоже приходил к нему, как раз в эти дни. Видимо, не получив поддержку у царицы, явился к Александру. Царевич читал любимую трагедию «Медея». Нехотя отвлёкся от чтения, а когда услышал его стенания, продекламировал строку из Еврипида: «Чтобы отца, и дочь, и мужа мы в трупы обратили, немало есть способов!»

Вспоминая этот случай, Александр постигнул, что безразличие к страданиям Павсания в дополнение к стихам, призывающим к справедливому возмездию, тоже могли содействовать возникновению желания убить того, кого считал виновным. Осознав эту чудовищную мысль, громко возопил:

– О, Зевс, повинен я! Накажи меня страшно!

Глава вторая Лестница в небо

Слуга Зевса

Царевич Александр медленно открыл глаза. В утреннем полусвете разглядел потемневшие потолочные балки, у постели – сброшенную наспех тунику* и крепиды* с кожаной шнуровкой. На низком столе с тремя гнутыми ножками широкое блюдо, кусок желтоватого сыра, недоеденная лепёшка, веточки сельдерея, бронзовый килик*. Вспомнил... Он в Эгах – бывшей резиденции македонских царей; здесь их усыпальницы; вчера занимался организацией погребения отца. За день устал до изнеможения. К вечеру, когда опустились сумерки, участники похорон заспешили по домам.

Ночь в горах приходит внезапно. Добирался на ночлег в сопровождении двух факелоносцев; мятущееся на ветру пламя едва пробивало жутковатую темень. Выложенная каменными плитами неухоженная дорога напоминала о себе выбоинами, проросшая в швах колючая трава навязчиво цеплялась за ноги.

Во дворце нежилой дух и запустение, повсюду угадывалось величие Македонии и состоятельность прежних царей: стены из тёсаных камней, высокие потолки, подпёртые потемневшими дубовыми балками. Полы в спальнях деревянные, в залах – мраморные плиты, в прочих помещениях и кухне – мозаичные из каменной крошки и глинобитные. В стенных нишах полки с потускневшей посудой из керамики и бронзы...

Неожиданно всплыли детали сновидения... А сон ли это?..

Едва добравшись до спальни, Александр потребовал ужин. Но усталость взяла своё – вяло пожевал то, что принёс слуга, разделся, коснулся постели и почти сразу попал в объятия Гипноса*...

Среди ночи вздрогнул и сразу проснулся оттого, что кто-то позвал по имени. Язычок скудного пламени настенного лампадаря* осветил две странные фигуры, одетые в серебристые гиматии*. Поразили их удлинённые головы и белые лица, словно присыпанные алебастровой пудрой. Большие миндалевидные глаза, не отрываясь и не мигая, смотрели на него. Такие глаза имела, наверное, жрица Ио, из ревности превращенная Герой* в корову за то, что позволила Зевсу влюбиться в неё...

В душном помещении ощущался резкий, но приятный запах неизвестных благовоний; возможно, такие используют боги на Олимпе...

Что удивительно, присутствие диких «гостей» не вызвали у царевича ни тревоги, ни беспокойства, хотя в руках и ногах ощущались легкие покалывания и тяжесть...

Низкие гортанные звуки, как бульканье воды, нарушили тишину. Неожиданно для себя он осознал, что понимает их:

– Повинуйся нам. Ты узнаешь судьбу.

Неведомая сила мягко подхватила его и понесла. В последнее мгновение стена расступилась, открыв чернеющий провал ночного неба. Переполненный восторженными чувствами, царевич летел, ощущая себя орлом, бесстрашно парящим над бездонной пропастью. «Гости» находились рядом, летели по бокам, отчего спокойствие не покидало его. Поднятый высоко в небо, в чёрнеющей внизу массе распознавался мир людей, вырисовывались горы и реки, моря и равнины. В какой-то момент он увидел глубоко под собой шарик голубого цвета.

– Твоя Земля, – прозвучал знакомый Голос. – Она плавает в Космосе, как морское судно в Океане.

Александр вспомнил уроки Аристотеля о шарообразности Земли, но не предполагал воочию увидеть настолько ясное представление знания.

– Что такое Космос?

– Космос есть живое разумное существо: оно шарообразно и включает в себя Небо и всё, что в нём находится.

– Кто управляет Космосом?

– Тот, кто лучше человека – Высший Разум; он научает людей делать всё то, что должно им быть полезным.

– Я хочу увидеть Разум.

– Разум находится в центре Вселенной, а она не имеет предела, бескрайняя. Туда не добраться. Но ты увидишь, как звёзды, Солнце, Луна и шесть планет обращаются вокруг Центрального Огня.

Александр всё это увидел и удивлялся совершенству Вселенной. Потом обратил взор на Луну, где рассмотрел горы и долины. Ему показалось, что на ней есть живые существа, которые приветливо махали ему руками.

Голос продолжал вещать:

– На Луне всё, как на Земле. И свет Луна получает от Солнца; только затмевается, когда попадает в тень от Земли.

– Луна такая тяжёлая? Тогда почему она не падает на Землю?

– Как камень в праще не падает, пока раскручивается в петле, так и Луна совершает круговые движения, которые перевешивают силу падения.

В том чудесном полёте царевич слышал, что Вселенная бесконечна, а количество миров в ней бесчисленно; некоторые из миров похожи друг на друга, другие – совершенно отличны. Расстояния между мирами не равны; одни миры ещё растут, другие находятся уже в расцвете, третьи разрушаются. А жизнь на Земле находится в самом расцвете...

Вновь показалась Земля... Ближе и ближе... Загадочное небесное путешествие заканчивалось...

– Ни с кем не делись тайнами, которые увидел и слышал от нас, – строго велел Голос. – Богам угодно скрывать Вселенную от смертных непроницаемой завесой до той поры, пока не придёт благоприятное для них время.

* * *

Полёт завершился в лучах восходящего солнца у подножия высокой горы; вершина терялась в огромном облаке, от которого пронзительно тянуло сыростью. Что-то хрустнуло под ногами – повсюду груды золотых самородков, россыпи изумрудов и алмазов поразительной чистоты и блеска, разной величины и оттенков. Царевич слышал Голос:

– Можешь забрать всё это, но знай, богатство – тяжкое бремя. Привязанный к богатству, ты станешь его рабом. Возвысившись духом ради своей свободы и переменив образ жизни и даже мысли, посвятишь себя доблести. Ты рождён для подвигов, а дорогу к ним откроешь, когда поднимешься по лестнице, ведущей в Небо.

Александр понял, что ему нужно подняться в гору по вырубленным в скале ступеням. Голос потребовал:

– Иди и знай, что каждая ступень вверх означает для тебя год жизни. Сколько пройдёшь – все года твои.

Ночные незнакомцы взлетели к вышине и растворились в облаке.

Ступени оказались гораздо выше, чем можно представить – в четыре локтя*. Царевичу пришлось проявить сноровку, преодолевать с усилием каждую ступень. После первой далась вторая ступень, следующая... Ещё и ещё... На тридцать третьей Александр почувствовал, как

теряет силы... Огляделся и обнаружил рядом выровненную площадку. На ней стоял старец в белом одеянии. Опираясь на посох, он шурился и призывно помахал рукой. Венок из плюща покрывал оголённый череп, по эллинскому обычаю, а крупный нос с горбинкой и смуглая кожа выдавали египтянина или халдея*.

– Двадцать лет жду тебя, Александр, – услышал царевич глуховатый голос. – Заходи ко мне.

Старец направил посох на скалу, где открылся вход в пещеру. Внутри Александр увидел плоский камень с выемкой в центре – жертвенник, ложе из веток, укрытое бараньей шкурой; ещё камень – судя по глиняной чаше на нём, служивший «столом», другой, пониже, – «стулом».

– Моё имя Нектанаб, я слуга Зевса, – сказал старец, видимо, предупреждая вопрос Александра. Сухие тонкие губы сморщились в улыбке.

– Когда-то я был царём Египта, и народ мой не знал бед и тягот. Зевс велел мне оставить престол и отправиться в Македонию, чтобы сообщить царице Олимпиаде, что наш Бог избрал её своей возлюбленной. Я оставил египетский народ в неизвестности, в облике халдея появился в Пелле, в царском дворце, где твоя мать узнала, что родит сына от Бога. Тебя, Александр!

– Неправда! Мой отец Филипп – царь македонян!

– Так думают все в Македонии. Но ты – сын Зевса.

– Не верю!

– Я слуга Зевса, и с моей стороны будет огромным кощунством говорить неправду его именем.

Последние слова Нектанаба заставили царевича задуматься. Старец продолжал:

– В Египте Амон скажет то же самое.

– Кто такой Амон?

– Для египтян он как Зевс.

– Я буду в Египте?

– Да. Не пройдёт и трех лет. Твой путь к Амону определён твоей судьбой. – Нектанаб осторожно подбирал слова: – Ты родился в Пелле, ночью, и одновременно в Эфесе* сгорел храм Артемиды*. Греки называли его Чудом Света. Преступление совершил безумец, чьё имя проклято богами и людьми, оттого не будет произнесено. Знамение говорит, что твой жизненный путь сопряжён с разрушительным огнём войны. Ты совершишь героические поступки на Западе и на Востоке, приведёшь под свою власть много народов, но тебе будет недостаточно славы и почестей. Но если ты захочешь большего, потеряешь всё.

Старец ронял слова, будто капли благодатного дождя на иссушённую жарой почву:

– Сила твоя в мужестве, храбрость – в уверенности победителя. Против тебя не выстоит ни один противник. Ты повторишь путь Диониса* и захочешь пройти дальше него, чтобы стать владыкой мира. Но для свершения подвигов тебе осталось всего тринадцать лет.

– В чём справедливость, если Зевс позволяет своему сыну так мало прожить?

Нектанаб вздохнул.

– У каждого из смертных есть конечный срок жизни. Бессмертны только боги, да и они невечны. Герою, избранному богами, нужно успеть совершить подвиги, сколько бы ни отпущено ему лет жизни. Зажечь факел своей души, ярко гореть и угаснуть без сожаления.

Глаза старца увлажнились, от волнения голос прерывался:

– Я держал тебя на руках младенцем, и ты мне безразличен, Александр. От меня ты услышал слова Бога, устранись от ожидания кончины – и будешь непобедим. Помни, кто из людей совершает подвиги, получает заслуженное бессмертие и вечную память у народа. Вот твой путь!

Александр спросил, заглядывая в глаза старца:

– Я могу узнать, от чего умру? Враг сразит в сражении или от яда, поданного другом в чаше, или от неизлечимой болезни?

Нектанаб ответил не сразу, и непонятно, знал он истину или не решался её высказать:
– Смерть придёт за тобой, когда сам откажешься от жизни.

От долгого разговора старец, похоже, устал; дряблые щёки побледнели. Он с усилием закончил разговор:

– Сейчас ты меня оставишь. Но мы ещё увидимся. Не удивляйся, если встретишь в другом обличье. Прощай, Александр, сын Бога!

И сновидение исчезло, будто туман с восходом солнца...

* * *

Лёжа на матрасе, благоухающем высушенной морской травой, Александр вспомнил, как наставник его юности Аристотель говорил, что обычному человеку во сне являются обыденные переживания, а царей, отягощённых заботами о государстве и народе, посещают вещие сны. Но чтобы распознать в таких видениях желательные или нежелательные грядущие события, требуется разгадка, и тогда сновидение подскажет нужное направление...

Глас народа

В предрассветном воздухе македонской столицы раздался резкий, протяжный звук боевых труб. Войсковые глашатаи кричали во всеуслышание:

– Македоняне, защитники Отечества! Сегодня ваше Собрание!

Оживлённая разноголосица пробудила Пеллу раньше обычного. На улицах собирались толпы жителей. В свете утреннего солнца по главной улице проходили воины, в одиночку, по двое, по трое и группами. На одних шерстяные эфептиды, дорожные туники, у многих короткие мечи в ножнах или кистоны – короткие копья; кто-то держал на плече боевой топор, скорее, по привычке, чем для устрашения.

Всадники в шлемах с белыми перьями осанисто сидели на бараньих пополах, выставив напоказ собственную статью и фессалийских* коней, чья стоимость превышала покупку ста рабов. Военачальники узнавались по солидному возрасту, позолоченным доспехам и туникам пурпурного цвета. Все с озабоченными лицами продвигались в одном направлении, к выходу из города.

Место для сбора войскового Собрания назначили на выгоне за главными воротами. На время подготовки к военным походам здесь устраивался сборный лагерь, вмещающий до десяти тысяч человек, с палатками, стойлами для коней и сооружениями препятствий для обучения новобранцев. Посреди равнины из земли выглядывал большой плоский камень, похожий на обломок скалы, откуда пастухи наблюдали за подопечными коровами, овцами и козами, а на сборах военачальники выкрикивали команды.

В давние времена рядом со «сторожевым» камнем соорудили святилище, посвящённое яростному богу войны, огнеглазому и рыжеволосому Элею. Для него воздвигли алтарь, где приносились жертвы богам. Без их одобрения ничего не предпринималось, а избрание царя-полководца – по давнему...

Перед тем как назначить день Собрания, жрецы просчитывали благоприятные условия. Собрание не созывалось в последний день месяца или по праздникам, в дни поминания предков и в годовщины, памятные бедствиями для македонского народа. Имелись другие ограничения, особенно при наблюдении за полётом вещих птиц, угадывались божественные предзнаменования в небесных проявлениях. Хвала Зевсу, предыдущая ночь прошла под хорошими знаками, главный войсковой жрец не отменил проведение общевойскового Собрания...

* * *

В сопровождении друзей детства Гефестиона, Гарпала и Птолемея царевич следовал центральной улицей Пеллы. Под ним любимец Букефал*, чувствовавший некоторое смятение молодого хозяина, косил по сторонам лиловыми глазами.

Александра узнавали, и под любопытствующими взглядами его волнение усиливалось. Поток возбуждённых людей напомнил бурную реку, вбравшую по весне талые снега с вершин, ручьи и ручейки с родниковыми водами. Царевич невольно оказался вовлечённым в людской поток, противостоять которому невозможно, даже если бы захотел. Всеобщее единение захватило и увлекло вместе со всеми, лишней раз доказывая, что человек есть существо стадное. Александр вспомнил Аристотеля, предупреждавшего о силе такого воздействия на человека. Всякую толпу легко совратить и увлечь на что угодно, с ней бывает то же, что и с морем. По природе своей безобидное и спокойное, море всякий раз получает свойства ветров, на нём свирепствующих. Так и толпа преисполнена духом насилия, внушаемая вожаками. Главное, стать вожаком, и тогда достаточно бывает малейшего повода, чтобы толпа устремилась к обозначенной им цели...

Оживлённая масса людей вместе с Александром и его друзьями просачивалась сквозь городские ворота и заполняла собой зелёную от трав равнину. Царевич постепенно осваивался, к нему возвращалась уверенность. Он успевал разглядывать ближайших соседей, пытаясь угадать их мысли; хотел понять, какие слова они ждут от него, чтобы потом во всю глотку выкрикнуть его имя.

Недалеко от алтаря опознал громоздкую фигуру Антипатра. Его плотно окружали дворцовые гвардейцы, сквозь ряды которых протискивались какие-то личности. Судя по всему, советник что-то им поручал, и они сразу уходили, растворялись в рядах воинов. Антипатр узнал царевича, призывно помахал рукой.

Александр передал коня слуге, так как всаднику из-за тесноты дальше нечего делать. Пробрался ближе к алтарю; пришлось прилагать усилия, поскольку не все воины проявляли дружелюбие; лица выражали недоумение или откровенную недоброжелательность.

Войсковой жрец призвал к тишине на время жертвоприношения. Его помощник, пирфор* – «смотрящий за неугасимым огнём» – высыпал на алтарь из переносной жаровни пылающие угли; раздул огонь. Два младших священнослужителя, онокоры, подвели белого барана, украшенного лентами и венками из цветов. Животное не упрямылось, что оценено за благоприятный знак. Его окропили водой, срезали клочок шерсти со лба, бросили в огонь; появился запашный дымок, шерсть вспыхнула. Распорядитель удовлетворенно кивнул... Кровь барана, смешанную с вином, пролили на алтарь...

Дальше настала очередь дивинации – прорицатель озабоченно рассмотрел внутренности барана: ни в печени, ни лёгких, ни в сердце изъяны не обнаружили. По равнине прокатились восторженные возгласы:

– Боги не отвергли дар! Боги с Македонией!

* * *

Первым на верхушку «войскового» камня взойшёл старейший военачальник Полисперхонт, прослуживший нескольким македонским царям. Голос он имел сипловатый, но в дальних рядах его услышали – всем интересно, о чём говорит:

– Друзья! Мы лишились любимого полководца, нашего царя Филиппа. Враги, подослав убийцу, хотели унизить Македонию. Убийца мёртв, но живы заговорщики. Их мы найдём. Никто не уйдёт от нашего возмездия!

Раздались призывы к мести, но они быстро умолкли. Прерывать оратора не в македонских традициях. Полководец продолжал:

– Враги надеялись заставить нас врасплах, посеять хаос, чтобы в удобный момент напасть на Македонию, не дать землепашцам трудиться на полях, охотникам – добывать пропитание семьям. Сегодня мы назовём имя нового царя, а завтра он поведёт нас на злейшего врага – Персию.

Войско горячо откликнулось на призывы уважаемого военачальника; всколыхнулось, словно море от напора ветра:

– Каран, сын Филиппа, будет царём!

Со всех сторон донеслось:

– Каран – младенец! Ты хочешь Аттала на престол? Не быть Атталу царём!

– Александр, старший сын Филиппа! Он законный наследник! Александра царём!

– Не хотим детей Филиппа! У Аэропа Линкестийца четверо сыновей – храбрейшие воины! Любой достоин того, чтобы стать царём македонян!

– Не связывайтесь с линкестийцами! Они разорвут Македонию на княжества! Доверимся Александру, сыну Филиппа!

– У Александра мать эпиранка! Она ненавидит Македонию, так и воспитала сына!

– Не нужен сын эпирской Эриды*! Его воспитал афинянин, от Афин одни нам беды!
Им вторили невдалеке:

– Не хотим распрей и раздоров! Не хотим Александра!

– Филипп затеял войну с Персией, а персы хотят дружить с Македонией! Александр – враг мира!

Каждый кричал своё, и необязательно, чтобы его воспринимали остальные. Никто никого не пытался убеждать, но из выкриков в итоге определялось мнение большинства, после чего большинству позволялось подавлять рвение меньшинства любыми действиями... Таков издавна установленный порядок проведения Собрания военной элиты в Македонии.

Войско продолжало шуметь, не позволяя ни одной из сторон определиться в главном претенденте на престол. Волны возбуждённых голосов перекатывались с места на место и со временем становились громкими, решительными и злыми по отношению к выбору соперников, не давая возможности усомниться в правильности выбора большинства. Слышалось всё отчётливей:

– Кто выиграл сражение у Херонеи? Александр! Он наш царь!

– Верно! Кто за братьев из Линкестиды, тот клеветает на Александра!

Отдельные возгласы переросли в чёткие призывы:

– Персы подкупили сыновей Аэропа! Они предатели! Сын Филиппа поведёт нас на Персию!

С разных сторон тут же радостно подхватили:

– Линкестийцы подослали убийцу к Филиппу, они убьют его сына, нашего царя! Смерть линкестийцам!

– Смерть предателям!

Управляемые сокрытыми силами звериные эмоции вырывались из недр бушующего воинства, выплескивались наружу через край допустимости. Призывы к мщению, убийству линкестийцев множились, как и к поддержке Александра. Неожиданно царевич боковым зрением увидел, как вокруг него расширилось некое свободное пространство, указывающее на то, что он оказался в центре главного события. Ещё немного, и войско сделает выбор...

Мелькнула мысль, он обязан сказать им такое, что заставит принять необратимое решение в его пользу. Воинская масса уловила его желание и смолкла. Тысячи глаз устремились на него с немим вопросом: кто ты, с чем пришёл к нам? Что обещаешь?

Побледневшее лицо Александра выдавало волнение, но усилием воли заставил себя быть выше толпы. Подхваченный неведомой силой, он легко вскочил на возвышение. Охватив взглядом наполненную войском долину, нашёл слова, понятные каждому воину:

– Македония печалится о царе Филиппе, коварно убитом врагами Македонии. Я его сын, но и вы его дети. Вот почему говорю – вы мои братья, а я только младший из вас! И как младший брат я не имею права главенствовать над вами, об этом даже не мыслю!

Александр говорил уверенно, так, как учил Аристотель, рассказывая об искусстве овладевать умами людей, убеждать в своей правоте. Наставник полагал, что убеждение способно завладеть телом и душой человека, так как речь, убедившая его душу, заставляет подчиниться сказанному, делает его рабом по доброй воле, а не по принуждению.

Молодые воины и ветераны, опытные командиры и мудрые военачальники с изумлением и радостью прозрения смотрели на царевича, слушали и уже доверялись ему. Он говорил:

– Прошу вас, изберите из своей среды того, кто всех лучше и мудрей, и пусть он правит нами, народом, как наш общий отец. И пусть он бережёт Македонию и будет всем примером добродетели и беспорочности! Назовите его имя, и ваша воля станет для меня окончательным решением в отношении моей судьбы! И пусть то, что для вас будет светом, будет светом и для меня, что для вас будет во вред, будет во вред и мне!

Едва царевич закончил говорить, из тысячи глоток исторглась их воля – громко, будто грома прокатились в поднебесье. Их отзвуки слышали в Пелле:

– Александр, сын Филиппа, выше всех нас! Лишь ты можешь быть нашим царём, Александр! Говори, что согласен! Обещай быть нашим царём!

Александр не поддался соблазну; он говорил ещё и ещё, ожидая, пока его не попросит большинство. Он обещал:

– Я благодарен вам за доверие, а если вы не раздумаете, если выберете меня царём, в Македонии ничего не изменится. Как при царе Филиппе, лишь у вашего царя изменится имя. И могущество Македонии, и порядок, установленный моим отцом в Эллад, и надежды македонян на новые победы останутся прежние! Я обещаю это вам, как вы требуете!

Уверенность придавала ему невиданную прежде силу голоса, каждое слово будто чеканилось в золотой монете:

– Я клянусь всю жизнь идти честным и справедливым путём! Клянусь жить для блага всех македонян и быть на страже прав народа, ибо нет прощения тому царю, кто готов ради своих целей растоптать всех и превратить в прах свои же города и страны!

Войско услышало речь не юноши, а мужа. Всем стало понятно – вот он, царь македонян! И войско откликнулось почти единогласно:

– Александр, ты наш царь!

* * *

В ожидании сына Олимпиада с тревогой поняла, что дворец подозрительно опустел. Исчезли царские советники, вельможи, секретари, часть слуг и охрана. Время шло, а имя нового царя никто не знал. Гнетущая тишина поселилась в гулких помещениях.

К вечеру царица, устав от предположений, изрядно переволновалась. Неожиданно послышался дальний шум, неясные голоса. Звуки нарастали. Громкие возгласы совсем рядом. Пугающий топот ног...

Переживания за сына и за себя легли на царицу нестерпимой усталостью и тревогой. Лицо её осунулось и сразу постарело. У Олимпиады похолодело внутри: сейчас сюда ворвутся сторонники нового царя, и её обезображенное тело выволокут на осмеяние разнузданной толпы... Победитель не оставит в живых ни мать, ни сына...

От резкого рывка широко распахнулась дубовая дверь. Александр! Его лицо излучало ликование!

– Слава Зевсу, я – царь! – сходу выпалил он и упал навзничь на покрытую ковром софу. – Устал невыносимо!

Мать, скрывая следы недавнего переживания, счастливо заулыбалась. Присела на край софы.

– Я верила, что мы победим, – тихо произнесла она, с нежностью касаясь ладонью головы сына. Глаза её сверкнули, выдавая горделивые мысли.

Он резко приподнялся.

– Ты не поняла! Я – царь!

Олимпиада заторопилась объясниться:

– Но ты мой сын, а я твоя мать. Мы – семья. – Она нервно хрустнула длинными пальцами. – Александр! Я горда тем, что тебя избрали царём македонян. Но говорить о победе рано! Вокруг враги! Мы вместе подумаем, как избавиться от них, не проявляя жалости, но тихо и незаметно. Чем скорее это случится, тем скорее все поймут, что в Македонии появился настоящий правитель.

Александр приподнялся на софе, присел в раздумье. Раздался короткий стук в дверь; поспешно вошёл Гефестион.

– Войско не расходится! – выкрикнул он в возбуждении. – Возмутились против сыновей Аэропа, заговорщиков! Аррабея, Геромена и Неоптолема сразу закололи мечами. Тела хотят сжечь, пепел разбросать на могиле царя Филиппа. Младший из линкестийцев сбежал. За ним кинулись, ищут повсюду.

Олимпиада повернулась к Гефестиону:

– Найди и убей!

Сын остановил её:

– Не торопись! Что люди подумают обо мне, если первый день я начну с убийства? Хватит на сегодня жертв! Но найти беглеца необходимо, хотя бы ради моей безопасности.

Олимпиада словно не слышала; голос сорвался в ярость:

– Гефестион! Если ты друг моего сына, исполни просьбу его матери!

Появление Антипатра остановило Гефестиона.

– Александр, к тебе моя просьба, послушай одного человека, с которым я пришёл, а уже потом решай как царь, – загадочно произнёс он.

Советник вышел и тотчас вернулся с юношей, щуплым на вид, едва не подросток; страх на лице выдавала совершенная бледность, пальцы на руках мелко тряслись. Гефестион воскликнул:

– Да это же младший Александр, Линкестиец!

Юноша кинулся в ноги Александру, обхватил руками его колени.

– Царь, защити! – в отчаянии вскричал он. – Я не понимаю, почему меня хотят убить! Я отроду не желал смерти твоему отцу и тебе! Я не хотел быть царём! Ты – избранный царь македонян! Спаси, не позволяй убить меня, безвинного!

Юноша зарыдал, униженно и громко, не отпуская колени Александра. Олимпиада, зло-радно улыбаясь, выжидательно смотрела на сына. Антипатр и Гефестион замерли, не предполагая, чем всё закончится.

Александр сначала растерялся и невнимательно слушал вопившего от страха юношу; даже брезгливо попытался оттолкнуть его. Но тот не расцеплял рук, понимая, что от этого зависит его жизнь...

Только что избранному царю пришлось лихорадочно думать – отдать несчастного и, конечно, безвинного тёзку на растерзание и тем исполнить желание матери или проявить милость. Хотя последнее неизвестно, чем могло закончиться. Троих сыновей Аэропа уже нет, нетрудно прикончить последнего – удобный случай... Оставить жить? У этого Александра, как и у его отца, остались влиятельные друзья; они будут благодарны, если царь оставит его жить. Дружеские связи и царю не помешают, а разделаться с ним можно всегда...

Антипатр, догадываясь, о чём думает Александр, негромко произнёс:

– Я посмею напомнить, царь, что этот милый юноша женат на моей дочери. А в моей преданности сомневаться тебе не приходится.

Александр понял, что первый царский советник не одобрит, если с Линкестийцем случится плохое. Делая вид, что не замечает возмущённого лица матери, он положил руку на голову юноше и миролюбиво произнёс:

– Я верю тебе. Встань! Я друг тебе, будь и ты мне другом.

Крепкая рука

Возведение на престол прошло с соблюдением ритуала македонских предков. На Александра возложили золотой венец, а первый советник Антипатр вручил массивное золотое кольцо-печатку – традиционный символ царской власти. Глашатаи разнесли весть о новом царе до отдалённых границ Македонии. Воспрянувшая духом Олимпиада уговаривала сына отметить событие торжествами с шествиями горожан и жрецов, театральными спектаклями и атлетическими состязаниями, но получила отказ. Лишь в храмах Пеллы совершились богатые жертвоприношения, а для народа организовали уличные развлечения: представления музыкантов, фокусников, канатных плясунов-невробатов и борцов. К вечеру на городской площади расставили столы с угощениями от царя – вином, мясом и хлебом.

В греческих городах и Персии, когда узнали имя нового правителя Македонии, отнеслись сдержанно, а то и с недоумением – молод! Куда несмышленому сыночку до матёрого царя Филиппа!

* * *

С первых дней Александр попал в водоворот внешних и внутренних событий, требующих немедленного вмешательства. Горные македонские области, усмирённые Филиппом, сославшись на неправильный выбор Собрания, объявили о неподчинении Пелле, грозили возвратом к суверенитетам. И греческие города, ранее изъявлявшие покорность прежнему царю, или хотя бы лояльность македонскому режиму, не спешили в Пеллу с поздравлениями. Заняли выжидательную позицию. Из Персии приходили сообщения, что затевается новая война, направленная против эллинов. Хрупкое политическое равновесие, достигнутое за двадцать лет Филиппом силой оружия и ловкой дипломатией, сокрушалось день ото дня. К тому же Олимпиада чуть ли не каждый день внушала сыну, что, пока жив хотя бы один претендент на престол, он в опасности. Антипатр не отставал от неё, намекал, что недавние соперники не забудут унижения.

Молодой царь соглашался с доводами. Оставалось разобраться, кто представляет угрозу и как, не вызвав подозрений, избавиться от людей известных и влиятельных. Нужен предлог, и лучше, чем обвинение в заговоре против царя Филиппа, повода не находилось! Вдохновляло обстоятельство, что македонский народ во все времена ожидал от царей проявлений силы и решимости. Иначе кому нужна слабая власть?

Аттал – первая цель. Если его не убрать, остаётся в силе его притязание на опекунов Карана, малолетнего сына Филиппа. При поддержке своего дяди молодая вдова Клеопатра остаётся царицей. Антипатр прав, при таком раскладе Клеопатра тоже подпадает под подозрение о заговоре против Александра...

Слабоумный Арридей, сводный брат Александра по отцу, не претендовал на царствование, но заговорщики в подходящий для них момент захотят использовать его...

Аминта, племянник отца, опасен тем, что придворная знать, ненавидевшая Олимпиаду и заодно её сына, имеют виды на него. В своё время Филипп при поддержке войска отобрал у него престол...

С кого начать? И как это сделать? Найдя удобный повод, чтобы выяснить мнение Антипатра, Александр начал без обиняков:

– Благодаря усердию отца Македония обрела могущество, заслужив уважение соседей. В Греции наступил мир, города не воюют между собой. Персия осторожничает, её цари не столь агрессивны. Мы понимаем, кто нам друг, различаем врагов. Но среди македонян есть люди, кому это не нравится, кто готовит удар в спину. Как быть с предателями?

Советник не сомневался, что Александр затеет подобный разговор.

– Ради могущества Македонии царь Филипп поступал решительно и жёстко, чем приобрёл и собственную славу. И ты не допускай промедления, если уверен, что твои действия необходимы.

– Кого мне следует остерегаться?

– Аттала, но тебе его трудно достать. За полгода до смерти Филипп отправил его с передовым отрядом во Фригию*. Он должен закрепиться и ждать подхода основных сил и оттуда начать войну с Персией. У Аттала под началом храброе войско. Его любят, в обиду не дадут.

Александр налился холодной яростью.

– Я не собираюсь убивать его на глазах войска. Мне нужны доказательства предательства против Македонии.

– Мой осведомитель в Афинах сообщил, что Аттал не так давно отправил из Фригии верного слугу с тайным письмом к Демосфену*, злейшему врагу твоего отца и Македонии. Демосфен призывает афинян и население других греческих городов совместно выступить против тебя и Македонии. Мне известно, что персы обещали Афинам много золота за смерть Филиппа.

В тот же день царь послал в Азию отряд под командованием Гекатея, доверив ему тайное поручение: арестовать Аттала и доставить в Пеллу. Будет сопротивляться, убить, но не допускать кровопролития между воинами. Затем произошло событие, которое можно назвать волей богов. Через три дня после отбытия Гекатея к Александру явился гонец Аттала с письмом. Царь после трапезы* развлекался с другом Гефестионом тем, что по очереди читали на память стихи Гомера, «на десерт», как они шутили. Услышав от секретаря Эвмена, чьё письмо, Александр брезгливо отёрнул руку.

– Положи на стол. Я занят.

Эвмен пожал плечами и вышел. Когда дверь закрылась, Александр неожиданно вскочил с ложа, схватил запечатанную трубу с посланием Аттала и подал Гефестиону.

– Прочитай! – Заметив удивление друга, успокаивающе добавил: – Читай, читай, от тебя нет секретов.

Пока Гефестион читал вслух, царь выказывал полное безразличие, словно письмо пришло от покойника:

«Аттал – царю Александру! Хайре! Твой отец отправил меня и Пармениона* в Азию. Он не сомневался в моей доблести и верности престолу. Я готов служить тебе во благо могущества и процветания Македонии. В залог своей преданности передаю письмо Демосфена, который предлагает мне измену, желая твоей смерти за золото персидского царя. Зевс свидетель, Аттал не изменял царю Филиппу, не изменит царю Александру и Македонии!»

– Что скажешь, друг мой? – с усмешкой спросил Гефестион. – Срочно посылай во Фригию гонца, чтобы вернуть Гекатея. А то много шума получится!

Александр ответил не сразу. Потянулся телом, как на разминке перед дракой, посерьёзnel.

– Пусть случится так, как сразу решено. Письма я не получал, и ты его мне не читал. Всё! Для нас Аттала уже нет. Выпьем за упокой! – понизил голос до шепота. – Письмо сожги. И с Дарием*, придёт время, разберёмся.

Гекатей возвратился через месяц. Сообщил в подробностях: Аттала закололи во время сна в его палатке. Войско, узнав о смерти командира, вначале взялись за мечи, но Парменион, который командовал конницей, успокоил и призвал дать клятву верности сыну царя Филиппа.

Тело Аттала доставили в Македонию. Родственники захоронили его в родовой усыпальнице; никто вслух не говорил о причинах смерти, но затаились в обиду на нового царя. Чтобы в будущем не случилось ничего плохого с царём, он распорядился любыми путями освободиться

от мужчин рода Аттала. После этого происходили странные вещи: каждый умирал от странных болезней и невероятных случайностей. Скоро получилось, что мстить за Аттала некому...

Очередь Аминты настала после того, как в Пелле появились слухи о том, что он жалуется на несправедливое отношение к нему со стороны нового царя. Однажды горожане узнали, что двоюродный брат Александра во время тренировочного боя с учителем наткнулся на собственный меч, по неосторожности...

Вслед за ним малыш Каран, сын Клеопатры от Филиппа, простудился, гуляя с няней на свежем воздухе, заболел и захлебнулся в кашле... Не успели македоняне осознать важность последней печальной новости, как в кабинете Александра появилась его мать. Не трудясь прятать улыбку, она радостно выдохнула с порога:

– Клеопатры нет!

– Что случилось? Кто посмел?

– Повесилась от горя.

Глаза Олимпиады светились нескрываемым счастьем, давая Александру возможность догадаться, что произошло на самом деле. Но он всё же спросил:

– В чём причина?

– А в том, что после смерти сыночка умерла дочь.

Олимпиада произносила каждое слово с наслаждением, словно пробовала божественный нектар. Довольная произведённым впечатлением, она удалилась, как уходит со сцены незаурядный актёр после заключительного акта греческой трагедии.

Александр послал за служанкой, сопровождавшей хозяйку к Клеопатре. Перепуганная рабыня рассказала, что Олимпиада велела взять какой-то ларец и идти за ней. В спальне Клеопатры, которая в этот момент оплакивала сына, Олимпиада сказала ей: «Милая, вот три подарка от меня. Возьми, что понравится». В ларце находились три предмета: кувшинчик, верёвка и кинжал. Клеопатра взяла верёвку, но прежде налила из бутылочки в чашу, отдала малютке-дочери; она возлежала у матери на коленях.

Александр пожелал объясниться с матерью, но его отвлекли срочные дела. А через несколько дней он понял, что в ближайшем окружении у него нет соперников, что означало одно – теперь царствовать будет без оглядки!

Череда странных расставаний с жизнью бывших соперников Александра по престолу не вызвала в Македонии больших возмущений и кривотолков. Молодой царь догадался, что народ полюбил не его, а уверенную власть, пусть временами жестокую. Народ готов подчиняться воле царя, когда всё, что выгодно, то и разумно.

Глава третья

Волчонок на престоле

Проверка на прочность

Для Александра занять престол и справиться с претендентами оказалось не так сложно, как соблюсти достоинство и удержаться у власти. Князья из влиятельных македонских родов не торопились выражать новому правителю покорность. Соседствующие с Македонией народы, силой приведённые Филиппом к мирному сосуществованию, почувствовали себя свободными от обязательств перед Пеллой. Зрели бунты против македонских гарнизонов в союзнических городах, сыпались отказы платить подати. Наиболее тревожные отношения сложились с Афинами, где усердствовал неутомимый оратор и политик Демосфен. Если раньше он призывал греков ненавидеть царя Филиппа, сейчас призывает делать то же самое по отношению к его сыну. Говорит, пора объявить войну Македонии.

– Сейчас самое время! – взывал Демосфен к остальной Греции. – Филиппа нет! На месте царя сидит несмышлёный мальчишка, больше похожий на перепуганного волчонка! Парменион с отборным войском находится в Азии. Ради свободы объединимся в ненависти к Македонии, вместе мы сила! Освободимся от варваров!

Каждое утро Антипатр являлся к царю с нерадостными вестями из Афин, хотя успокаивал, говорил, что ситуация допустимая. По его совету, из Пеллы в Афины зачастили царские гонцы с заверениями в неизменной дружбе с афинянами, призывами к миру. Напрасно! Обстановка накалялась...

Александр понимал, что после смерти отца армия не готова воевать с Афинами. Враг слишком силен. К тому же Демосфен пользовался огромным авторитетом у населения остальных греческих городов. Из Афин в Фивы*, ещё города Фессалии* и Пелопоннеса* отправлялись делегации с призывами сопротивляться македонскому присутствию на греческой земле. Страстные призывы афинского демагога* к свободе будоражили воображение греков, сторонников Македонии становилось меньше, а призывающих к войне с ней – больше и больше.

Демосфен, зная о терзаниях молодого царя, издевался над памятью его отца. После известия о гибели Филиппа он облачился в праздничные одежды и с трибуны народного Собрания предложил отметить событие благодарственными жертвоприношениями в храмах. Призывал афинян посмертно наградить убийцу Павсания высшей почётной наградой – золотым венком.

Александр потребовал от афинян выдачи нарушителя спокойствия, а Демосфен сочинил по этому поводу басню, текст которой передали в Пеллу с очередным посольным. В ней овцы выдавали волкам сторожевых собак. Царь возмутился, а Гефестион успокоил:

– Друг мой, гордись таким вниманием! Если раньше этот бешеный оратор обзывал тебя волчонком, в последней басне ты повзрослел, стал матерым волком. А себя называет псом, стерегущим греческих козопасов. Радуйся, милый волчище!

Александр, осознав юмор друга, громко расхохотался.

– Спасибо, успокоил! Согласен, для греков я буду вечно голодным волком, свирепым на расправу с безмозглыми овцами.

Антипатр не сидел без дела, через подкупы усилил деятельность своих осведомителей. Они доносили, что в Афинах помимо антимакедонской партии Демосфена есть немало сторонников Македонии, прикормленных ещё Филиппом. Например, Фокион, старый, но влиятельный военачальник, постоянно призывает сограждан к сдержанности и мирному разрешению споров с македонским царём. Недавно даже сказал:

– Афиняне, не надейтесь, что Македония после смерти Филиппа стала сразу слабее! Зря радуетесь! А вы представьте себе, что македонская армия, сражавшаяся с нами у Херонеи, сделалась меньше всего на одного человека, на царя Филиппа! А на смену пришёл его сын, герой этого сражения!

Филипп оплачивал и речи оратора Эсхина, известного симпатиями к македонянам. Тот призывал афинян не радоваться смерти врага и не оказывать почести убийце Филиппа.

– Афиняне, вспомните, когда Филипп победил нас, он поступил с нами благородно, чтобы мы не чувствовали себя побеждёнными. Вот почему с нашей стороны недопустимо радоваться и попирать ногами его труп.

Большая часть афинян не поддерживала Эсхина и Фокиона. Называли предателями и дружно поддались призывам Демосфена – разорвать мирное соглашение с Македонией и ради войны с Александром принять предложенную Персией военную помощь, золотом и наёмными отрядами.

* * *

В принятии первых решений молодого царя чувствовалась неуверенность. Антипатр старался поддержать осторожными, но совершенными советами и в то же время не ранить юношеское самолюбие. С этой целью завёл разговор издалека:

– Твой отец стал царём в двадцать три года; я старше и многое уже видел. Но он говорил про окружающий мир, как может только человек, убелённый сединами. Для него всё, что происходило вокруг, представлялось театром, где каждый день разыгрывался трагический спектакль под названием Жизнь. В нём свои зрители и актёры.

– Ты предлагаешь мне роль актёра, кривляющегося на потеху зрителям?

– Талант актёра заключается в том, чтобы подчинить внимание зрителей, увлечь действием и стать главным лицом в спектакле. Твой отец являлся автором своей пьесы и постановщиком спектакля, в котором стремился играть первую роль. Но не забывал прислушиваться к тому, что подсказывали боги.

– Ты говоришь «боги»? Куда же они смотрели, если в последней сцене отец оказалась в роли жертвы?

– Каждый из нас знает, что живёт, исполняя волю богов, а всё равно хочет изменить судьбу. Филипп не исключение, он стремился к большему, чем ему позволено. А это не всегда угодно Небу.

Александр задумался.

– Но почему, если установленный им мир между Македонией и Грецией оказался порушенным после его смерти? Куда смотрят боги, ему покровительствующие?

– Греки и македоняне живут в одном большом доме, называемом Элладой. Мы многочисленная семья, где все подчиняются воле старейшины. Отчего в общем доме сохраняется мир и согласие: брат не ссорится с братом, дети слушают отца, все пекутся о благополучии общей семьи. Царь Филипп стал таким старейшиной, его слова оказывалось достаточным, чтобы внутри семьи утихали нежелательные страсти, гасились разногласия. Его уважали греки и македоняне, ему боялись возразить, понимая, что виновный в разрушении мира и спокойствия будет наказан. И вот в доме умирает старейшина, после чего все подчиняются воле того, кому передано право нового главы семьи. Филипп не успел указать на преемника, от этого пошли раздоры. Ты избран царём македонянами, но не греками. Греки тебя ещё не поняли, не узнали, потому не приняли за старейшину. Дело за тобой! Продолжай дело отца – и, несмотря на молодость, ты станешь старейшиной в Элладе, гегемоном*. Иначе закон и право в Греции скоро заменятся хаосом, неразумной силой, все перессорятся между собой и подвергнутся разграблению того, кто окажется сильнее.

– Ты думаешь, у меня получится?

– Не желаю думать иначе!

– Тогда с чего начинать?

Советник оживился, заметив интерес в вопросе молодого царя:

– С подготовки к войне.

– Я только что слышал от тебя, что мир в Элладе – главное для Македонии!

– Это так, но что люди называют миром, только подготовка к очередной войне. Войны затихают лишь на время, скрываясь под мирными соглашениями между прежними врагами. В любом договоре есть две стороны – победителя и побеждённого. Все блага в жизни достаются победителю, а побежденная сторона теряет всё – достоинство, богатство, мирное занятие трудом и свободу. Но и победителю недолго оставаться в своей роли, поскольку противная сторона, окрепнув, непременно начнёт воевать со своим поработителем, пока не победит.

– Стало быть, война. С кем воевать? С Афинами?

– Нет. Афиняне, как и остальные греки, не представляют угрозы Македонии. Не они наши враги.

– Неужели?

– Греческие города постоянно враждуют между собой. Одни объединяются с другими, чтобы унижить третьего. Сейчас греки разобщены, они не в силах создать достаточно мощный военный союз против Македонии.

– А Демосфен? Он постоянно говорит о войне с Македонией.

– Он политик, не военный. Его оружие – голос, призывающий сограждан к борьбе с указанным им же врагом. Греки ему поверят, договорятся на объединение, но до военных действий не решатся. Ни один город в Греции не любит Афины. Их ненавидят все, особенно Фивы и Спарта; они всегда спорят и ссорятся между собой и с Афинами за влияние над остальной Грецией.

– С кем воевать, если не с Афинами?

– Персия – враг греков и македонян! Вот почему твой отец отправил войско с Парменионом и Атталом в Азию. Ты объединишь вечных соперников и врагов – Македонию и Грецию, поведёшь на Персию, обещая воинам богатства персов. Вот тогда в Элладе наступит спокойствие, мир на вечные времена.

– Я слышал, у персов огромная армия.

– Как говорил твой отец, врагов побеждают не числом, а разумом полководца, мужеством воинов и их уверенностью в победе. Я бы ещё сказал, преданностью царю. Как при возведении дома строителю необходимо со всей тщательностью класть кирпич за кирпичом, так и для содержания сильной власти царю нужно проявлять неустанное внимание к нуждам воинов и командиров. Такая армия будет ему предана и непобедима. Мой совет – займись армией.

* * *

Александр встретился с войском в Дионе через несколько дней после восхождения на царский престол. По традиции, новый царь принимал от военных изъявление верности престолу.

Солнечные лучи играли на серебряных пластинах его нагрудного панциря, колыхались на ветру белые перья на бронзовом шлеме. Конь нервно подтанцовывал и скалил зубы, роняя на землю пенные капли.

Многие воины ожидали увидеть царя большого роста, крепкого телосложения, каким Александр не обладал. Но едва заговорил этот светловолосый безбородый юноша, сомнения отпали. Войско услышало настоящего царя! Уверенный голос, словно мечом, рубил долгожданные слова:

– Многие из вас пришли к моему отцу, одетые в звериные шкуры, пасли в горах овец и жили охотой. ОН сделал из вас войско. Раньше вы с дубиной в руках отстаивали свои дома с семьями от разбойных нападений варваров – иллирийцев, трибаллов и фракийцев. Теперь имеете великолепные доспехи и оружие, овладели военным искусством, научились охранять себя и семьи, полагаясь на собственную доблесть. Вы служили Македонии, а ваш полководец, царь Филипп, служил вам. Враги лишили жизни моего отца, теперь я ваш царь и хочу служить вам, и прошу достойно служить Македонии.

По затянувшемуся молчанию Александр понял, что воины ожидают услышать от него важное:

– Враги Македонии убили царя Филиппа в надежде, что всё, созданное вами вместе с моим отцом, рухнет. Так будет, если покажем врагам, что мы не едины и ослаблены, и надежда на лучшее будущее оставит нас!

Речь его изливалась, словно кто-то неведомый подсказывал нужные слова; а они зрелыми семенами падали на благодатную почву воинских душ:

– Друзья мои, услышьте меня! Пусть враги не надеются, что мы выпустим из рук оружие, как и воинскую доблесть из сердец своих! Оружие – единственное благо, что осталось у нас от предков! А кто захочет отказываться от своего блага? Мой меч вместе с вашим оружием начинает поход к славе македонского оружия!

Мужественные пехотинцы, всадники, рядовые и командиры с нарастающей радостью слушали своего нового царя. Они с восторгом встретили обещание освободить армию от трудных повинностей, а их семьи – от налогов и податей. Войско поверило ему, присягнуло на верность...

* * *

Александр остался доволен посещением Диона. Армия пойдёт за ним на персов. Но оставлять за спиной раздражённую Грецию не представлялось возможным. С греками всё-таки следовало разобраться. Но как поступить, подсказал Антипатр:

– Твой отец не лез напролом в сражениях, поэтому побеждал. Часто медлил и хитрил, изыскивая удобный путь для обходного манёвра или отступления. А отступление воспринимал как временную меру, чтобы позднее, когда враг не ожидает и не готов сопротивляться, вернуться к решительным действиям. Если не рассчитывал победить, примирялся, делал всё для этого, но всегда его действия заканчивались выгодой для Македонии. Наберись терпения, дождись, когда плод вызреет; он сам упадёт тебе в руки. Так с Афинами и поступишь.

– Разве достойно выносить грубости греков, делать вид, что ничего не происходит?

– Я говорил, что, объединившись, греческие города сокрушат любую силу. Македония не исключение. Они это доказали, когда разгромили персов на своей земле. Сильного противника нельзя не уважать! А вот отсутствие желания и умения договариваться привело Грецию под власть Македонии.

Антипатр увидел, что его наставления достигают цели.

– Когда я говорю об Афинах, я имею в виду политиков вроде Демосфена и ему подобных противников Македонии. Но есть ещё афинский народ, а он непредсказуем. С ним следует не воевать, а договариваться. Такое рассуждение относится ко всем грекам, к Греции. Македонянам есть чему поучиться у греков.

Александр с раздражением перебил:

– Постой, Антипатр! Почему македоняне не могут оставаться македонянами? Зачем нам быть эллинами?

– Македония должна постоянно видеть перед собой Грецию как хороший пример устройства жизни. Македоняне живут страстями, а у греков воображение охлаждается разумом, чув-

ство – сознанием, а страсть – размышлением. В отличие от македонянина греки бесконечно любознательны. По этой причине у них много своих мудрецов, чем Македония похвастаться не может. Греки устремлены в науки как естественные, так и моральные. Их мудрецов влекло всё таинственное и необъяснимое во внешнем мире, они поставили перед собой почти все великие задачи и решили их через философию. Нужно всего лишь понять Грецию умом, а не принуждать к повиновению оружием.

Советник говорил о том, что греки жизнерадостны, как дети, им в голову не приходит проклинать богов или считать природу несправедливой и вероломной по отношению к человеку. Греки чужды глубоким заботам, и хотя бывают подавлены своей судьбой, эти заботы и печали переводят в блестящее воображение, из-за чего рождаются великие произведения, творчество, искусство, далекое от скучного миропонимания. У греков следует учиться любить жизнь, извлекая наслаждения из каждого дня, также из мыслей и из чувств.

– Если греки так умны, почему они не столь прозорливы в отношении своего единения, своей наглядной силы?

– Ты прав, Александр. Меня это тоже удивляет, но причину вижу в стремлении к свободе. Они живут в ощущениях того, что любое государство, тем более союз государств, есть обременение их свобод. Думаю ещё, что соперничество и зависть к соседям – одна из причин разобщенности греческих полисов. Законы одного города требуют от граждан ненависти к гражданам других городов. Твой отец справился с этим злом, принудив к послушанию всех греков после их поражения у Херонеи. Он втайне мечтал о едином государстве македонян и греков. Теперь твоя очередь, Александр.

* * *

После откровенного разговора действия царя в отношении греческих городов стали более решительными. Он разослал послания с заверениями, что обязательства Македонии, данные царём Филиппом, переходят к нему, как и клятвы городов, в ответ. Это означало, что греки обязаны признать Александра гегемоном Греции и архистратигом, командующим объединённой союзной армией для войны с Персией. Пока в городах Греции думали, как быть, что отвечать новому «гегемону», спорили на собраниях, как воспринять требования «наглого македонского мальчишки», Александр взялся за собственную армию, где после гибели отца дисциплина и порядок заметно расшатались.

Всё пришло в движение. Каждый день военное обучение, тренировки, переходы в полном вооружении, опять тренировки и пешие переходы. Александр, не знающий физической усталости, требовал того же от командиров и рядовых воинов. Без поблажек! Если слышал недоумённые вопросы, зачем утруждать себя без дела, напоминал, как его отец, отменив сопровождающие обозы, гонял воинов в полном вооружении с провиантом за спиной в зимний холод и в летнюю жару...

Постепенно воины втянулись в напряженный лагерный режим, почувствовали на себе, как ежедневная воинская работа взбодрила их заснувшую силу. Подчиняясь командам, они получали удовлетворение от собственной организованности, когда, стоя в тесном ряду фаланги*, каждый воин чувствовал единение со всем войском. Армия становилась цельным живым организмом, подчинённым командам военачальников. Плечо товарища, его щит рядом с твоим щитом, его сарисса* рядом с твоим копьём, когда у соседа по отряду та же цель, что у тебя, товарища по оружию. От новых ощущений сердца воинов наполнялись отвагой, исчезала всякая мысль о смерти. Ни одного неверного шага, ни одного промедления – вот она, армия победителей!

Александр лично водил войско в учебные походы. Появлялся, где труднее всего. Воины убеждались, что новый царь знает военную науку, уверенно подаёт команды, за что подчи-

няться ему становится естественным, как и полное повиновение и отдача физических сил. Царь понимал, что в руках военных, армии и флота, заложено его собственное будущее, почему торопился сделать её послушной своей воле.

* * *

Бунты и протесты в греческих городах, где стояли македонские гарнизоны, не утихали. Несмотря на предостережения Антипатра, Александр намерился утихомирить возмутителей спокойствия; если нужно, покарать мятежников. Оставив Антипатра при власти в Македонии, царь с отборным войском отправился в Грецию. Для начала в центральную часть, где уже рвались налаженные «дружественные связи» – Этолию*, Аркадию*, Аргос*. На пути, в горной Фессалии*, македоняне неожиданно встретили препятствие. Лучшая на то время фессалийская конница, командиры которой отказались подчиняться Александру, заняла удобные для сражения позиции, а проходы в горах перекрыли. Он принял решение пойти в обход, вырубать в скалах тропы. Прошли с невероятными трудностями, но противника застали врасплох. Македоняне приготовились к сражению, а фессалийские вожди вступили в переговоры. Безусый юноша, новый македонский царь, взглядывая в растерянные лица старейшин, удивил разумной речью:

– Я вовсе не предполагал воевать с вами, поскольку вы для меня эллины. А вы запросили войну, и я готов вас наказать. Но я помню, что мой отец очень любил Фессалию, у него первая жена – фессалийка. Ещё помню, что род македонских царей берёт начало от предка Геракла, а он из древнего фессалийского рода Эака. Вот почему я предлагаю союз и дружбу. Взамен мне ничего не надо, но требую привилегий, дарованных моему отцу. Его признавали гегемоном, теперь признайте гегемоном меня. Обещаю хранить Фессалию и защищать фессалийцев. Кто из всадников пойдёт со мной в Персию, выделю из добычи равную с македонянами долю. А жителей Фтии*, где родился другой мой предок Ахилл, я освобождаю от всяких податей.

Так, без единого убитого с обеих сторон молодой македонский царь справился с мятежом и завоевал расположение фессалийцев. Они безропотно приняли его условия, часть молодёжи с охотой присоединилась к войску для дальнейшего похода на Грецию во главе с Александром. Но в больших городах царь оставил свои гарнизоны, для острастки.

Применять силу не понадобилось и в других областях, где жили энианы*, малии* и долопы*; весть о решительности сына Филиппа летела впереди войска, принуждая сомневающихся к миру. Затем затихла Амбракия*, успевшая войти в союз с Афинами: Александр обещал предоставить автономию в составе Македонии. Амбракийцы подумали и решили дружить с царём Александром.

* * *

В это время недружественные племена фракийцев*, иллирийцев*, гетов* и трибаллов*, воспользовавшись отсутствием Александра в Македонии, совершили набеги на приграничные поселения. Приходили известия о нападениях кочевых медов*, бессов*, корпиллов*; подняли головы тавлентинцы*, автариаты* и прочие племена, платившие прежде дань Македонии. Весной, когда горные проходы освободились от наледи и снега, войско Александра вышло на горный кряж Хемус (Балканы). Первыми попали под удар фракийцы, затем кара настигла разбойничье племя трибаллов; их остатки пытались укрыться в жилищах на неприступных скалах, но македоняне достали всех мечами и копьями. Теперь все враги бежали с поля боя, заметив белые перья на ослепительно сияющем шлеме Александра. Такая слава о нём пошла по всему Хемусу! И чем многочисленней встречался враг, тем азартнее сражался Александр, и побеждал. Он говорил своим командирам:

– Лучше потрудиться македонским мечам в одном месте, разом покончить со всеми, чем гоняться по отдельности за каждым племенем по горам да по лесам.

Особо значимой явилась схватка с гетами. Кочевники большой численности заняли противоположный берег Истра (Дунай). Широкая полноводная преграда казалась непреодолимой, отчего геты на той стороне чувствовали себя в безопасности. Александр придумал переправляться глубокой ночью, выждав, когда вражеские дозорные заснули. В кромешной темноте и в полной тишине на воду спустили самодельные плоты из связанных между собой рыбацких челноков. Поверх бортов положили доски, на них взошли четыре тысячи пехотинцев, а для переправы полутора тысяч всадников использовали суда, изъятые у торговцев из ближайшей гавани на Чёрном море. Часть пехотинцев перебирались на связанных между собой брёвнах, переплывали на надутых воздухом бурдюках. Собравшись на противоположном берегу, македоняне дождались раннего рассвета и неожиданно напали на спящий вражеский лагерь.

Гетов уничтожили почти полностью, а кто остался жив, пытались бежать на конях или пешими. Македонская конница догоняла каждого.

Весть об истреблении гетского народа, а погибших насчитывались десятки тысяч, стремительно разлетелась по долине древнего Истра. К стоянке македонского царя каждый день прибывали представители разных народов с подношениями и просьбами о мире. Александр выслушивал всех, принимал дары, не отказывал в просьбах, но каждому говорил, что с этого времени он обозначил Истр естественной границей Македонии. В завершение похода на высоком берегу Истра царь соорудил алтарь, где совершил жертвоприношение Зевсу. Предку Гераклу тоже возлагал жертвы – за дарование победы над варварами. Бог реки принял долю жертвенного дара, агальму, – белого быка, утопленного посреди Истра. После исполнения обряда македоняне вернулись на свой берег и пошли обратным путём в Македонию.

По пути происходили мелкие стычки с дикими племенами, не признававшими власть македонского царя. Но наиболее опасной оказалась встреча с иллирийцами: они перекрыли единственный проход в ущелье горы Пелий. Конные разведчики-крипты нашли, что враги повсюду, их слишком много и они готовятся напасть...

Тем временем...

ПЕЛЛА. Глухой тёмной ночью в спальню Олимпиады осторожно постучали, словно мыши поскребли. Царица с вечера не могла уснуть, вздыхала, переворачивалась с боку на бок... И вот задремала... Вскинулась:

– Кто?

Дверь приоткрылась, и в наметившуюся щель тенью скользнула служанка, обычно спавшая снаружи на полу.

– Госпожа. – Голос прерывался от волнения. – Появился человек от вашего сына. Он у Антипатра.

Сердце сжалось от предчувствия... Накинув хитон, заспешила в дальний конец дворца, где находился кабинет царя, занятый Антипатром. Недовольная решением сына оставить Македонию не на неё, а на советника, она лишний раз не хотела встречаться с ним. Но сейчас... Сын! Что с ним?

Рывком открыла тяжёлую дверь. Советник с усталым лицом сидел за рабочим столом и смотрел на незнакомого воина, одетого в красную эксомиду* со спущенным правым рукавом, что указывало на принадлежность к пехоте – чтобы легче обращаться с мечом. Бросились в глаза потрёпанность одеяния, грязные пятна и бегающий взгляд на измождённом лице. Она услышала конец разговора:

– Сам видел, царь убит.

– Нет! – закричала Олимпиада в отчаянии. – Ты не мог видеть! Он жив!

– Я видел, – повторил пехотинец растерянным голосом, повернувшись к царице. – Пращик попал камнем в голову, а варвары добивали уже на земле дубинками.

– Если ты видел, почему не пришёл на помощь моему сыну?

Олимпиада зарыдала, прикрывая лицо руками. Антипатр тоже не сдержался:

– Убивали твоего царя!

– Я не мог! Их было слишком много.

Царица вдруг выпрямилась, в голосе проявилась обычная властность:

– Ты солгал! Мой сын жив!

Пехотинец сник и, не скрывая слабости, заплакал, как скулит побитая собака. Неловко утирая кулаком слёзы, оставлял на грязных щеках неприглядные следы.

– Трус! – с отвращением вскричал Антипатр. – Ты бросил царя, живого или мёртвого, на потеху варварам, убежал с поля боя, где сражалась твои товарищи!

Крикнул дежурному гвардейцу:

– Взять мерзавца, держать под стражей! Будем судить!

Когда воина увели, повернулся к Олимпиаде:

– Я поверю, когда увижу тело Александра.

* * *

Вместе с горем Олимпиадой завладела тревога за собственное будущее. Обычно ухоженное лицо напоминало маску трагика, но царица держалась надеждой – Антипатр отправил в Иллирию отряд: если ужасная правда подтвердится, привезти тело для погребения. Приходилось ждать, а дурные мысли лезли в голову... Что будет с ней? До избрания нового царя Антипатр остаётся правителем Македонии. Если Антипатр будет претендовать на власть, в живых он её не оставит. При мысли об этом Олимпиаду охватывал неподдельный ужас.

Царский наместник в отличие от неё не терзался сомнениями. Прежде нужно узнать, жив ли царь. Посланный дворцовый отряд уже на пути к Иллирии. Управление Македонией

остаётся за ним, как прежде. Под его командованием достаточное войско, чтобы справиться с непредсказуемой ситуацией. Никаких бунтов, тем более хаоса наместник царя не допустит.

АФИНЫ. Афиняне ликовали, едва появились слухи о гибели царя Александра и что с ним полегло войско. Народное Собрание заседало почти каждый день; принимались решения о разрыве всех отношений с Македонией. Получалось, война неизбежна! Персы не замедлили проявиться: царь Дарий засылал агентов к греческим политикам, предлагал выступить вместе с персами против Македонии, давал золото. Спартанцы не брезговали взять деньги у извечного врага, объявили сбор войска. Демосфен не устоял перед соблазном, получил от персов триста талантов* и призвал афинян к действиям против власти Александра. Приверженцы македонской партии приуныли, побоялись ввязываться в политические битвы.

Наместник сохранял спокойствие, делал вид, что ничего страшного не произошло. Регулярно посылал в Афины гонцов с сообщениями об успехах царя Александра на Балканах. Демосфен отвечал, что афиняне продолжают поддерживать мирное соглашение, при этом тайно призывал греков, чтобы готовились к войне с Македонией.

А от Александра вести не приходили...

ФИВЫ. Уступая давлению неистового в речах Демосфена, афиняне призвали в союзники фивян, с кем во все времена воевали за гегемонию в Элладе. В Фивы явились переговорщики, не с пустыми руками: привезли оружие, закупленное на деньги персов. Обещали золото. Демосфен не раскрывал свой план: он хотел втянуть Фивы в войну с Македонией, чтобы выждать, когда ослабнут обе стороны, и покончить с обоими.

В крепости Кадмее, размещённой в пределах городской черты Фив, стоял македонский гарнизон. Фивяне давно смирились с его существованием, потому что гарнизонные воины не досаждали своим присутствием. Вели себя сдержанно и даже дружелюбно. Можно сказать, обе стороны проявляли терпение друг к другу. Но когда в городе появились посланцы Демосфена, Фивы стали похожи на растревоженный пчелиный рой. Люди собирались на площадях, обсуждали слух о гибели Александра и с остервенением проклинали Македонию.

В гарнизоне отметили необычное поведение горожан. Вслушиваясь в доносившиеся выкрики, узнали, что в Македонии опять нет царя. Некоторые воины растерялись, тревожась за себя, кто-то предложил договариваться с фивянами, чтобы не препятствовали уйти с оружием. Начальник прекратил разговоры:

– Чтобы взять крепость, нужна армия, которой у фивян нет. Будем отбиваться, держаться до тех пор, пока не придёт помощь. Никто шагу не сделает без моего разрешения.

Распорядился проверить надёжность ворот, осмотреть стены, нет ли возможности проникнуть незаметно, определить запасы продовольствия и воды. А когда у ворот появились вооруженные люди с намерением их взломать, предложил переговоры. Фивяне согласились, но как только македонский посланец появился среди них, его убили. Гарнизон понял серьёзность ситуации, начал готовиться к худшему...

* * *

Фивяне хорошо сознавали, что, вступив на путь мятежа против власти Македонии, им придётся стоять до конца. Если Александр мёртв, к ним придёт Антипатр или другой полководец, и будет жестокая война. Кровь, несчастья и людские потери. Поражение равносильно смерти всему городу. После Херонеи, где погиб элитный отряд «бессмертных», в Фивах почти не осталось опытных воинов; гражданское ополчение да ветераны, способные лишь держать оборону городских стен. А македоняне – лучшие воины в Элладе!

Но вызов брошен! Фивяне решительно взялись за подготовку к обороне города. Совет военачальников – беотархов – распорядился изолировать крепость, предупредив любую возможность вооружённых вылазок со стороны гарнизона. Вокруг крепости открыли глубокие рвы

с высокими насыпями, повсюду понаставили дежурные посты, поручив наблюдать, как осаждённые воины будут умирать сами по себе, от голода и жажды.

На случай осады Фив подготовились основательно. Из городского арсенала выдали оружие всем способным его носить. К необученным ополченцам приставили ветеранов, обучить приёмам ближнего боя. Но защитников не хватало, и тогда беотархи призвали граждан отпустить в ополчение домашних рабов, обещая им свободу. По соседним городам разослали гонцов с призывами помочь добровольцами, обещали фиванское гражданство – случай редкий! Ожидали обещанной поддержки от Афин.

В крепости, окружённой тройным кольцом преград из камней, земли и ненависти, жизнь замерла. Из Пеллы сведения не поступали – да и как им здесь появиться?

* * *

Прошёл месяц. Гарнизон в Кадмее находился в осаде, и хотя боевые действия не предпринимались, положение становилось тяжёлым и, главное, непредсказуемым. Чья возьмёт? Запасы продовольствия и воды уменьшались, как ни экономили. Над защитниками крепости незримо витал Лимос – олицетворение голодной смерти. А на воинов гарнизона со стороны города день и ночь изливались проклятия и угрозы.

В один из таких непредсказуемых дней в крепости услышали извне нарастающий шум, громкие возгласы:

– Идут! Македоняне!

– Александр здесь!

В Кадмее всё пришло в движение, начальник гарнизона начал готовиться к вооружённой вылазке. Александр жив?! Но говорили, он погиб!

В городе началась паника. Александр идёт к Фивам! А как же Демосфен? Он убеждал, что македонский царь погиб в Иллирии и войско его там сгинуло! И как ему удалось прорваться через Фермопильское ущелье, если проход закрыл большой заградительный отряд? Почему не остановили?

В большой растерянности фивяне созывали Собрание за Собранием, требовали от беотархов разъяснений и решительных действий. Но никто не знал, что будет с ними дальше.

ИЛЛИРИЯ. Македонское войско действительно приближалось к Фивам. Схватка с иллирийцами осталась позади, но болезненной зарубкой на памяти...

В тот день македоняне неосмотрительно зашли в какое-то ущелье без разведки. Варвары появились отовсюду – со скал сбрасывали камни, сыпали стрелами и копьями. Походную колонну развернуть не удалось. Ловушка захлопнулась! Пришлось рассредоточиться по двоякое, чтобы уменьшить потери и хоть как-то огрызаться... Македоняне сражались храбро, держались стойко, но иллирийцы имели значительное преимущество в численности и в выгодном для себя расположении.

Сражение затянулось до сумерек и внезапно затихло. Иллирийцы убедились, что враг заперт надёжно, до утра никуда не денется. Прекратили боевые действия, отошли отдыхать. А македоняне радовались передышке...

Перед рассветом Александр собрал военачальников.

– Варвары уверены, что мы захотим прорываться вперёд или повернём назад. А мы не дадим им больше повода безнаказанно убивать нас.

Неожиданно он произнёс:

– Некое слово гласит: «доблесть высоко на скалах живёт неприступных и зорко блюдет свой предел заповедный, очам не всякого смертного зрима. Но тому, кто с муками взойдет туда, мужества высей достигнув».

По лицам командиров заметил, что не поняли, к чему это он, пояснил:

– Я вспомнил Симонида*. Наш враг отсиживается на скалах, уверенный в недостигаемости. Ему невдомёк, что мы пойдём брать скалы. Будет трудно, но другой возможности нет, чтобы спасти свои жизни.

Хмурые лица боевых товарищей посветлели, в глазах появилась надежда. И хотя царь сегодня ошибся, второй раз ошибки не допустит. Ему продолжали верить...

В предрассветном тумане и полной тишине македоняне, ошетилившиеся мечами, начали подъём в гору по осыпающейся крутизне. Александр шёл впереди.

Иллирийцы, увидев спросонья врагов не там, где им хотелось, растерялись, отбивались вяло. Постепенно отступали, пятясь вверх, под защиту укрепленного лагеря – глубокий ров, высокая насыпь и ограда из заостренных брёвен, наклонённых навстречу.

И вот когда победа македонян показалась близкой, ситуация изменилась. Оказывается, иллирийцы давно ожидали подкрепления из родственного племени тавлантиев. Вот почему вчера не проявляли активности. Поддержка пришла, и теперь опасность подстерегала македонян снизу и сверху. И всё же боги оказались на стороне Александра – не зная обстановки, враги не осмеливались нападать. Предполагали, что окружённые значительными силами противника, македоняне попросят пощады...

В противостоянии прошли ещё три дня, но ни одна сторона не совершала решительных действий. Военачальники предлагали Александру атаковать тавлантиев, прорываться дальше по ущелью, а он не соглашался, говорил, что одной отвагой здесь не возьмёшь. Врагов вокруг втрое больше, и они все в укрытиях по скалам и за деревьями. Царь выжидал.

По сведениям разведки, иллирийцы в верхнем лагере вели себя беспечно. Ночные дозоры не выставлялись, много пили, видимо, уже праздновали победу. По ним ударили внезапно, после чего иллирийское войско превратилось в неуправляемую массу. Враг бежал, охваченный паникой. Кто не сдался в плен, полегли на месте.

Убедившись в победе над иллирийцами, Александр обратил войско назад, ударил сверху на тавлантиев. Сражение разгорелось и тотчас стало затихать, поскольку тавлантии, узнав о поражении своих союзников, спасались бегством.

Гефестион и Гарпал, во время схватки оберегавшие Александра, обнаружили рядом с ним притаившегося за валуном пращника. Гарпал метнул копье, но варвар успел метнуть камень, который по касательной задел голову. Царь будто споткнулся и медленно завалился на бок. Друзья кинулись на помощь...

Он попытался встать... Кружилась голова, в глазах потемнело... На затылке виднелась грязная ссадина, сочилась кровь...

Послышались крики:

– Лекаря царю!

И ещё:

– Царя убили!

– Александр убит!

Многие македоняне слышали, и те, их единицы, кто не вытравил из своих душ страх, трусливо покинул место схватки. Долго плутали по горам, уверенные в том, что царь и всё войско погибли...

Александра на руках отнесли в безопасное место. Рана оказалась несмертельной, хотя лекарю пришлось несколько дней менять повязку и поить снадобьями, пока не прекратились головные боли. Когда на третий день он вышел из палатки, войско приветствовало с восторгом. Никто не сомневался в его полководческом таланте!

Войско продолжило движение по земле тавлантиев, но уж без вооружённых стычек, потому что их вождь покорился македонскому царю, как и правитель Иллирии. Александр собирался отправиться походом дальше, в земли гетов, но узнал о восстании в Фивах и угрозах жизни воинов гарнизона Кадмей. Пришлось оставить Хемус...

Жестокий урок

Всего год Александр на македонском престоле, а Македония закрепились на Балканах так, как никогда не предполагала. Сын Филиппа сумел восстановить прежние границы царства, покончил с мятежами во Фракии, Фессалии, Иллирии. С правителями этих народов заключил союзнические соглашения. Важно, что добился всего большим уроном для врагов и малыми потерями с македонской стороны. Воины по этому поводу говорили между собой:

– Настоящий полководец тот, кто добивается победы, сохраняя войско для будущих побед над другими врагами!

В двадцать лет Александр доказал, что у его отца появился достойный преемник. Он возвращался в Македонию с войском, большим по численности, чем уходил на Балканы – к нему напросились служить фракийцы, пеоны*, иллирийцы. За войском тащился огромный обоз с ценной добычей и домашним скотом, с ними тысячи пленных, которых в Греции с нетерпением ожидали работорговцы с Понта Эвксинского (Чёрного моря). Рабы – ценный товар! Царская казна нуждалась в огромных средствах для войны с Персией.

* * *

Фивяне рассмотрели Александра, изучающего подходы к Семивратным Фивам, в окружении гвардейцев; на чёрном коне, на доспехах отражение солнца. Город, окружённый стеной с семью воротами, имел округлую форму. На Юге стена совпадала с крепостью, где три месяца отсиживался македонский гарнизон. Оттуда доносились трубные звуки, кричали люди, сообщая войску, что они живы, не сдались.

Фивяне с тревожным любопытством наблюдали за македонским войском с высоты городских стен. Неужели Александр решится на штурм? И как он собирается это сделать?

Поражённый предательством фивян, он действительно не знал, как поступить. Во-первых, не имело смысла воевать с греками, с Фивами, с потенциальным союзником в предстоящем походе на Восток; во-вторых, при штурме стен можно положить много своих воинов. Персия – вот совместная цель Македонии с Фивами, Афинами, со всей Грецией. В душе противоборствовали два разных человека – свирепый и кровожадный, жаждавший мести и прагматичный, желающий вызвать у фивян лишь страх. Александр отказался от захвата Фив, но отправил гонца с требованиями:

– Выдайте зачинщиков, и я сразу уйду. А дальше мы будем жить в мире, как прежде.

Царский посланец вернулся с письмом от фивян; они не уstraшились:

– А ты выдай нам Антипатра и Филоту.

Александр не подал виду, что рассердился, отправил к фивянам переговорщика, который объявил, что им даруется жизнь – всем, кто попросит прощения. Фивяне только посмеялись и упорствовали, когда жрецы сообщили о мрачных знамениях. Перед тем в храме Деметры паук сплёл огромную паутину, причём необычной радужной окраски. А на площади случилось вообще чудо – «прослезилась» каменная статуя Геры, супруги Зевса. Другие утверждали, что вода в священном источнике, истекающем в городе, покрылась плёнкой, по цвету схожей с кровью. И на кровле храма в Дельфах, построенного на средства фивян, проявились кровавые пятна... Всё убеждало жителей Фив о плохих последствиях. Но ничто не принижало их духа...

Упрямство фивян вынудило Александра принять другое решение:

– Фивяне нарушили обещание дружбы с Македонией, чем ввели меня и богов в обман! За клятвопреступление пусть понесут жестокое наказание! Они пожалеют, что родились в этом городе!

И всё-таки взятие Фив произошло не сразу. Сдерживало известие о том, что Демосфен на персидское золото собрал отряд, и он на пути к Фивам. Но узнав о появлении у стен Фив войска Александра, афинские войска повернули назад.

Пока войско готовилось к штурму, в Афины отправился царский гонец с запросом, почему Демосфен призывал фивян к разрыву отношений с Македонией.

Тем временем в македонское войско приходили добровольцы из Платей*, Феспия* и Фокиды*, готовые мстить фивянам за долгие годы угнетения. Порыв необычайно велик. Защитники Фив из намерения сорвать осаду значительными силами совершили вылазку: открыли ворота и неожиданно напали. Но македоняне сумели отразить натиск, и фивяне, оставив множество убитыми, поспешно отступили, едва успев закрыть ворота перед преследователями.

На следующий день Александр распорядился сосредоточить наступательные силы к южным воротам города, на его взгляд, наиболее уязвимым. Расставил катапульты и стенобитные машины, подтянул отряды ближе к городу. Войсковые механики подвели как можно ближе «черепаху» – крытую галерею из брёвен; под её защитой производили подкоп. На осадные машины и воинов обрушивались брёвна, повозки с камнями, корзины с землей. От камней защищались большими плетёными щитами из виноградной лозы, от раскалённого масла, льющегося из огромных ковшей, навесами, обтянутыми кожей, шерстяными одеялами.

Фивяне быстро забыли неприятный урок от своей первой вылазки из города. Группы всадников выходили из ворот, нападали, но успехов добивались незначительных. На военном совете решено использовать эти вылазки, дожидаться, когда нападавшие увлекутся сражением, завлечь их подальше ложным отступлением, а затем обратить вспять и овладеть воротами.

Так всё и получилось! Преследуя фивян, ворвались в город, а вслед за ними пошло войско. Фивы обречены...

Македоняне праздновали победу; жаждали крови, насилия и грабежей. Оставшиеся в живых униженно ожидали своей участи. Но Александр помнил наставления мудрого Антипатра: ради объединённой Эллады греки не должны иметь ненависти к македонянам, поэтому не разрешил проявление жестокости к населению. Но судьбу фивян намеренно позволил вершить своим союзникам – фокейцам, платейцам и другим жителям Беотии*, кто десятилетиями выносил унижения от Фив, кого фивяне держали в рабстве, грабили и презирали.

Одни греки, озлобленные исторической несправедливостью, убивали других греков, жителей Фив; погибли шесть тысяч мирных жителей! Потом настал черёд решать судьбу самого города. Не по воле македонского царя, а решением его союзников – платейцев, орхоменян, фокейцев и феспийцев, движимых волей Аластора, злобного духа мщения, город разрушен. Александр потребовал лишь сохранить святилище Диониса, где родился бог, и храм Геракла, предка македонских царей, и ещё дом знаменитого греческого поэта Пиндара, чьи оды царь высоко ценил с детства. Оставшихся в живых фивян, всего тридцать тысяч – детей, женщин и мужчин, – сделали рабами, за исключением служителей культа; пощадили и тех граждан Фив, кто не поддержал антимакедонских настроений.

От продажи рабов царская казна выручила четыреста сорок талантов, которые пошли на оплату жалованья участникам похода.

* * *

Во время расправы над жителями Фив к царю привели женщину в истерзанном одеянии. Назвалась Тимоклеей. Сопровождавший воин доложил, что она убила командира, спрашивал, какой смерти её предать. Александру недосуг заниматься этим случаем, но что-то привлекло его внимание.

– Женщина, ты знала, что тебя ожидает смерть. Почему убила моего воина? – спросил он.

Тимоклею не смутило присутствие царя, отвечала с достоинством, без робости:

– Я замужняя женщина, добродетельная, никому зла не приносила. В мой дом ворвались твои воины, требовали еду и вино. Я им отдала всё, что имела. А они потом искали деньги, забирали ценные вещи; перевернули всё в доме, переломали мебель. Я умоляла их не причинять вред моему имуществу, а командир ещё совершил насилие надо мной. Унизил женскую честь. А потом ещё потребовал, чтобы я показала, где спрятано золото или серебро. Я указала на колодец в саду, и когда он перегнулся через край, столкнула вниз и закидала камнями, чтобы он не смог выбраться.

Женщина перевела дух, смело глядя на Александра, с достоинством сказала:

– Ещё я скажу, что муж мой воевал против твоего отца; македоняне убили его в сражении у Херонеи.

Тимоклея вздохнула, словно исполнила долг:

– Вот теперь ты обо мне всё знаешь. Поступай, как пожелаешь, но я счастлива тем, что умру отомщённая за поругание моей чести и за смерть любимого мужа.

К удивлению присутствующих гетайров, командиров и воинов, отвага женщины не оставила царя равнодушным. Поразмыслив, он объявил:

– Ты повела себя пристойно, как подобает замужней эллинке. Зевс тебе судья. А я говорю, будь свободной, как и твои дети.

На прощание распорядился дать ей деньги за порушенное имущество.

Тучи над Элладой

Известие о падении Фив застало Грецию врасплох. По лицам отчаявшихся беженцев греки поняли, что им самим ожидать от нового македонского царя при неповиновении. Выжившие чудом фивяне, потерявшие всё, кричали: «Нет больше Фив! Македонянин разрушил наше отечество!» В растерянных душах приютивших их граждан рождались смутные и животный страх перед неминуемой расправой. Ужас расплзался по греческим городам мрачной тучей по осеннему небосводу – неизвестно, где разверзнутся молнии да громами...

Жители Элиды*, недавно изгнавшие всех приверженцев Македонии, уговаривали их вернуться, обещали возместить убытки за унижение, притеснения и расхищенное имущество. Отряд пехотинцев-гоплитов, сформированный из граждан Аркадии и направленный в поддержку восставшим Фивам, развернулись в обратную сторону. А дома воины потребовали осудить и предать казни сограждан, кто отправлял их воевать против Македонии.

Посланцы греческих городов, за исключением Спарты, поспешили в Пеллу, чтобы засвидетельствовать преданность царю Македонии. Их принимали, внимательно и по-доброму выслушивали, прощали без условий и последствий. Не торопились афиняне, по-видимому, выжидавшие, что по отношению к ним предпримет Александр – состояние войны или мира. В Собраниях, что созывали афиняне, чуть ли не каждый день, терялись в догадках, как относиться к преемнику царя Филиппа. По этому поводу он со смехом высказывался перед Гефестионом:

– В Фессалии, где я сражался со знаменитыми отрядами всадников, Демосфен называл меня мальчишкой. Узнав о победах на Балканах, мой ненавистник объявил меня юношей. После Фив надеюсь услышать признания мужчиной.

Поразительные успехи Македонии в разгроме иллирийцев и трибаллов, потом ещё уничтожение Фив чувствительно повлияло на расстановку сил в Греции, особенно на гегемонию Афин, до сих пор могучей сухопутной и морской державы. История противостояния афинян с Фивами никогда не доходила до полного разгрома не менее сильного противника. А в данном случае приходилось считаться с полуварварской страной, называемой Македонией, и малоизвестным юношей с потрясающими воображение амбициями. На поклон к «македонишке» идти не желали, в то же время чувствовали – промедление смерти подобно, при этом слабо надеялись, что опасения их беспочвенны. Так не трудно потерять лицо граждан религиозного и культурного центра Эллады. Лишь сторонники Демосфена из навязчивой ненависти не унимались в призывах к афинянам и остальной Греции воевать с Македонией, не представляя себе неизбежных трагических последствий. По этим причинам афиняне не спешили в Пеллу.

Пока афинские ораторы призывали к войне или миру с Македонией, паника среди населения поднималась большая. Из окрестных поселений в Афины прибывали крестьянские семьи со скотиной, птицей и домашним скarbом. Под надзором военных строители спешно заменяли в городских стенах разрушенные камни и блоки, укрепляли сторожевые башни. Из государственного арсенала в Акрополе ополчению раздавалось оружие, ветераны натаскивали новобранцев боевым действиям и приёмам, что годится при защите города. Но чтобы выработать окончательное решение по судьбе Афин, в условиях чрезвычайной ситуации созвали народное Собрание...

Первым речь держал сын рыбака Демад, известный тем, что в сражении с македонянами при Херонее попал в плен, но мудрыми беседами с царём Филиппом сумел получить свободу. Потом ещё убедил отпустить вместе с ним два десятка пленных афинян. После этого случая Демад укрепил расположение Филиппа к себе, получал от него подарки и деньги за противодействие антимакедонской позиции Демосфена. И на этот раз Демад остался верен себе.

– Афиняне, – убеждал он сограждан, – беда, настигшая нас, произошла не по вине сына Филиппа, а наших недалёковидных политиков! Я скажу больше, из-за личной вражды и ненависти ко всему македонскому и Александру они поставили под удар всех афинян.

Дальше оратор говорил, что нужно исправлять ошибки, начав с того, чтобы отправить посольство в Пеллу. В какой-то мере покаяться и настаивать на мирном договоре, но не заявлять о войне. Это опасно и преступно. Но посылать к Александру нужно людей ответственных, в общении с царями привычных.

Демад возвысил голос, и шесть тысяч народных заседателей со вниманием затихли:

– Теперь разберёмся, нужно ли Афинам осуждать Александра за то, что он разрушил Фивы? Наоборот, мы благодарны за то, что у Афин нет врага, с которым афиняне всю жизнь выясняли отношения! Нет Фив – нет проблем для афинян на всём пространстве Греции!

Он обвёл глазами амфитеатр.

– Нам за это проклинать Македонию и её царя?

Возгласы одобрения волнами пробежали по рядам. Речь возымела такой успех, что Демосфен отмолчался, сидел с мрачным лицом. Опасался привлечь к себе излишнее внимание за чересчур настойчивые призывы к войне; и чтобы не потребовали наказать его за недавние заверения, будто Александр мёртв. Хотя его сторонники попытались переломить ход Собрания.

После шумной перепалки противных сторон Собрание сформировало посольство из десяти самых уважаемых людей из старых приверженцев царя Филиппа.

Александр любезно их принял, не напомнил, что они припоздали. Спокойно перенёс поздравления по поводу успехов на Балканах и расправой с Фивами. На прощание передал письмо для афинян:

«Я не держу зла на Афины, как не держал зла мой отец, царь Филипп. Но требую выдать моих врагов – Демосфена, Ликурга и военачальника наемников Харидема, морского разбойника, сгубившего много судов македонских торговцев. Выдайте мне Эфиальта, кто просил у персидского царя золото для войны со мной. Отдайте мне Гиперида, Полиевкта, Харета, Диотима, Мироклея, которые после смерти царя Филиппа оскорбляли его память и мою честь. Они подстрекали фивян на сопротивление, следовательно, тоже виновны в падении Фив».

Александр также потребовал выдать фивян, кто подстрекал сограждан на мятеж, а после укрылся от возмездия в Афинах. В очередном Собрании шумно спорили, нужно ли выполнять требования зарвавшегося «македонишки»: если нет, тогда война. Выручил старый военачальник Фокион, известный своей рассудительностью и трезвостью мышления:

– Афиняне, прежде чем действовать, хорошо подумайте, что вы умеете – побеждать или дружить с победителем?

Демосфен обрёл дар речи; вскочил с места и с жаром воскликнул:

– Афиняне, не слушайте безумца! Мы сокрушим македонян, как эллины всегда поступали с варварами. Пусть этот выскочка подойдёт к стенам Афин, и мы похороним его с войском на месте, чтобы наши потомки знали о том, как афиняне отстаивают свою свободу!

Нарочито театральным жестом показывая на оратора, он с презрительной ухмылкой обратился к нему:

– О тебе, Фокион, в Афинах говорят, что ты храбрый полководец, покрывший себя и Афины боевой славой. А я говорю о тебе, как о трусе, который попросту боится Македонии!

Фокион с естественным ему спокойствием немедленно отразил выпад:

– Никто не спорит, что Демосфен – пылкий оратор. Но сейчас ему надобно думать не о славе большого говоруна, а о том, как победить того, с кем он собирается воевать.

Поднялся скандал; сторонники Демосфена обвиняли Фокиона и тех, кто его поддерживал, в продажности македонскому царю и в трусости. Старик нашёл что сказать:

– Как много я вижу рядом с собой храбрецов-полководцев и как мало воинов, желающих умирать за отечество!

Ему гневно бросали обвинения:

– Ты не будешь радоваться нашей победе?

Он с удручённым видом качал головой и говорил им, как неразумным детям:

– Граждане афинские! Я буду рад победам над Македонией вместе с вами, но не хочу радоваться самой войне. Предлагаю поспешить в Пеллу с повинной, иначе привлечём к себе чудовищные испытания. Как случилось с неблагоприятными жителями Фив. Разве нам хочется погибели Афин?

В ответ многие плевали в его сторону и кричали с яростью:

– Ты изменник! Предаёшь тех из нас, кто сильнее всех любит отечество!

В какой-то момент полководец не выдержал и закричал, какие имел силы в голосе:

– Вы говорите, что любите отечество и готовы принести жертвы ради него. Вот и покажите себя! Станьте перед Александром и проявите мудрые речи. Смягчите его гнев, вымолите пощаду себе и горемычным беглецам из Фив. Я бы так оценил ваши усилия по спасению отечества, родных Афин. А если потребуется, несмотря на немолодые годы, счел бы за счастье, на поле боя расстаться с жизнью ради вас всех.

Демосфен вновь вскочил с места и ликующе возопил:

– Граждане Афин! Вот пусть Фокион сам отправляется к своему любимцу в Пеллу, вымалывает счастье для себя и заодно для нас с вами! Филипп давно оценил его усердие на пользу Македонии. Пусть теперь познакомится с его сыночком! Может, действительно, столкнутся?

Оратор повернулся к старику.

– Македонишка с радостью выслушает тебя, Фокион, а ты, смягчив его гнев мудрыми рассуждениями, вымолишь прощение для невиновных эллинов!

Перепалка между двумя известнейшими в Афинах людьми подошла к неожиданному завершению. Предложение Демосфена встретили с восторгом. В Пеллу отправилось новое посольство во главе с Фокионом; его согласия не спрашивали, поскольку демократия предполагала безоговорочное подчинение меньшинства, личности – большинству, иначе – государственной власти...

Александр, наслышанный о мудрости, честности и принципиальности Фокиона, не стал отвращать от себя полезного для Македонии человека. Показал себя гостеприимным хозяином; нашёл время для близкой беседы о политике, военном искусстве и культуре, и каждый раз Фокион с удивлением отмечал его высокие познания во многих областях науки, культуры, искусства. К концу пребывания в Пелле посланец Афин убедил царя в том, что нельзя преследовать граждан за любовь к отечеству.

– Но разбойника Харидема и предателя Эфиальта вы мне всё равно выдайте! – настоял Александр.

– Справедливо, – согласился мудрец и засобирался в дорогу.

В тот же вечер в отведённую Фокиону комнату явился царский секретарь Эвмен, подал тяжёлый кожаный мешочек.

– Что это?

– Золотые монеты с лицом Александра, изготовленные по заданию царя Филиппа для особых случаев. Их ещё называют «филиппики». Они твои.

Фокион удивился:

– Зачем они мне, тем более столько?

– Сказано, новому другу, как дар.

– В таком случае позволь узнать, почему среди огромного числа добропорядочных афинян для дружбы выделен я один, да ещё столь щедро оплаченный?

– Неужели не ясно, что из всех один Фокион и достоин его дружбы. Таков выбор. А деньги – достойный для царей дар. Он знает, что у Фокиона многодетная семья, живут в нужде.

Фокион укоризненно посмотрел на Эвмена и покачал головой.

– Передай Александру мою благодарность за доверие. А если дар – своеобразный символ дружбы, то я, тем более, не имею права ничего от него взять, поскольку он мне теперь друг. И пусть впредь не мешает мне, Фокиону, оставаться Фокионом, какой я есть, – и в чужих глазах, и по существу.

Как ни уговаривал секретарь, предупреждал, что царь останется недовольным, от золота Фокион отказался. Пришлось Эвмену уйти, не исполнив поручения, но Александр, услышав пояснения, понял старого полководца.

Благодаря Фокиону для Афин посольство в Пеллу завершилось удачно. Обрадованные афиняне поспешили засвидетельствовать македонскому царю своё почтение, удостоили сразу двумя золотыми венками. К венкам прилагалось почётное звание «Благодетель города». О том, что совсем недавно подобная награда предлагалась афинянами убийце царя Филиппа, как-то забылось...

Глава четвёртая Великое начало

Философ и царь

Александр, довольный переговорами с Афинами, проследовал в Коринф*, где созывался «Конгресс священного Дельфийского союза независимых греческих городов», объединённых в Амфиктионию*. Незадолго до гибели царя Филиппа члены Амфиктионии избрали его главнокомандующим греко-македонским войском для ведения войны с Персией. Если оставлять военные планы, кому передать чрезвычайные полномочия архистратега и автократора*, по сути, гегемона Греции? Громкие победы на Балканах и расправа над Фивами позволяли Александру рассчитывать на преемство от своего отца. Нужно подтолкнуть амфиктионов к такому выводу.

* * *

Александр появился среди членов Амфиктионии в сверкающих золотом доспехах, лицо излучало бесстрастность и обнадёживающую неутомимую энергию. Греческие посланники, наслышанные о трагедии в Фивах, насторожились, и дружелюбия не проявляли. Недоверие вызывал и возраст, не подходящий высокой полководческой должности.

Заседание Конгресса началось с подсчёта официальных представителей городов. Голос Фив, как и голоса её союзников, по понятным причинам перешли к македонскому царю. Демонстративно выражая неуважение к Конгрессу с участием Александра, не явился представитель Спарты. Зачитали только его дерзкое послание: «Наши предки запрещали свободнорожденным спартамцам ходить за чужими полководцами. Мы сами себе вожди, цари и полководцы. И будет так всегда»... Участники не возражали, когда голос Спарты отошёл к македонскому царю. Поскольку представитель Афин запаздывал – а приглашение афинянам отправили почему-то с опозданием – его голос также перешёл к Македонии.

Когда ему представилась возможность выступить, амфиктионы увидели не юношу, а зрелого политика, воина; говорил он уверенно, убедительно:

– Вы дали царю Филиппу особую привилегию – стать командующим объединённым войском, наказав персов за осквернение греческих святилищ. Македония первой начала поход возмездия в Азию, наши воины уже находятся на Персидской земле. Но командующий, мой отец, погиб от рук заговорщиков, купленных за деньги персидского царя. Вот почему я прошу позволить мне исполнить ваше священное поручение и отомстить за отца.

Услышав речь взрослого мужа, никто не посмел отказать ему. Тем более что в Греции на тот момент не находились военачальники, способные возглавить Восточный поход. Мсть за смерть отца – фактор существенный, а если ещё припомнить, что македонские гарнизоны стоят почти в каждом из греческих городов... Почему не принять доводы сына, пожелавшего даже умереть за благое дело?

Второй Коринфский Конгресс священной Амфиктионии продлил договор о военном союзе греческих городов с Македонией, подтвердив для царя Александра полномочия архистратега. По завершении Конгресса в городе прошли торжества с народными развлечениями.

* * *

Во время пребывания Александра в Коринфе в его резиденцию заспешили разного рода известные и неизвестные личности – философы, актёры и ваятели, художники, архитекторы и драматурги – все, кто желал погреться в лучах славы нового гегемона Греции, готовые свидетельствовать «радость, почтение и покорность». Многие из них не задерживались, исчезали, чтобы появиться во дворцах других правителей; а иные, счастливые царским вниманием, щедростью и заботой, оставались до тех пор, пока общение с ними не становилось ему или обеим сторонам в тягость. Более всех при царском дворе привечали историков и философов; Клитарху* и Аристобулу* предложили сопровождать Александра в предстоящем походе. А философа Онесикрита из Астипалей царь нанял для записей важных царских дел после его заявления:

– Александр, я готов записывать твои героические подвиги, чтобы остановить время для потомков. Я не оставлю историю без твоего славного имени!

С этого дня Онесикрит стал одним из близких к царю советников. Особенно после того, как сообщил о Диогене, не так давно поселившемся в окрестностях Коринфа. Александр слышал о выдающемся чуде ещё от Аристотеля; многое из сведений о нём казалось небылицами. Знаменитый философ сбежал в Коринф из Афин, где он «не нашёл Человека». Появилась возможность поговорить с мудрецом. Диогену сообщили о его желании встретиться, но философ не появлялся. Напрасно потратив три дня на ожидание, перед самым отбытием из Коринфа царь в сопровождении Гефестиона, Птолемея и десятка гвардейцев направился за город.

Пройдя за воротами вдоль берега моря, они обнаружили возлежавшего на песке пожилого и небрежно одетого человека. С безмятежным выражением лица он грел тщедушное тело в лучах низкого осеннего солнца. При виде незнакомцев не изменил положения, продолжая наслаждаться собственным состоянием души и тела...

Александр, готовый к любой выходке чудака, удивился, что этот человек при его появлении проявил презрительное равнодушие. К нему, самому могущественному человеку во всей Греции! Справившись с эмоциями, соскочил с коня, подошел к старику.

– Ты видишь перед собой Александра. Слышал обо мне?

– А ты видишь Диогена. Слышал обо мне? – прозвучал ответ.

Становилось понятным, что философ не желает проявлять к гостю ни беспокойства, ни уважения.

– Я Александр, царь Македонский. Ты не боишься меня?

– А разве есть причина тебя бояться? Неужели ты – Зло?

Александр в растерянности повернулся к свите, призывая стать свидетелями непредсказуемого разговора.

– Нет, я – Добро.

– Тогда зачем мне бояться Добра? – произнёс Диоген с полным безразличием. И добавил: – Киникам* незачем кого-то бояться.

Александр ухватился за любезно подброшенную тему:

– Почему тебя называют «киником»?

Искоса бросив на собеседника изучающий взгляд, философ усмехнулся краем губ.

– Платон виноват. Его насмешка. Назвал меня «кусачим Диогеном» за то, что нападал в спорах. Люблю причинять муки завистникам такого рода укусами. Но укусы неболезненные, они для настроения. Опаснее всего кусаются осведомители и льстецы.

Воспоминания о спорах с Платоном, видимо, взбодрили старика. Он повернулся, лёг спиной на песок и вдруг с озорным любопытством посмотрел на Александра, снизу вверх.

– Да, я кусачий. Кусаю, как пёс, как уличная собака. А киниками греки называют бродячих философов вроде меня; тех, кому ничего от них не нужно. Лишь бы не приставали с дурными вопросами.

Александр смутился. Выручил Диоген, продолжил свою мысль; видимо, ему нравилось такое сравнение:

– Ведь по-гречески «собака» – «кинес»; вот и прилипло ко мне прозвище. А я не обижаюсь. Понимаю, что живу, подобно псу – неприхотливо, дома своего не имею, питаюсь тем, что найду. Но спроси меня, доволен ли я такой жизнью, отвечу – доволен, да так, что на другую менять не хочу.

– Но зачем ты живёшь не в доме, а на улице? Не лучше ли быть тебе в тепле, в заботах родных и близких людей?

– Если бы я жил дома, как все люди, за глухими стенами из камня, люди бы меня не замечали, а я – людей. На улице я вижу плохих людей, их много. Они больны головой, их надо лечить любомудрием, иначе – философией; только она излечивает от всех недугов.

– Соглашусь с тобой. Но если ты пёс, то какой породы?

– Я вижу в тебе хорошего философа, если задаёшь подобный вопрос. Не зря молва говорит, что твой наставник Аристотель – лучший преподаватель Академии Платона. Знаю, знаю, как Платон жаловался, что Аристотель часто не соглашался с ним в спорах, брыкал его, как сосунок-жеребенок свою мать.

Сухие глаза Диогена неожиданно заблестели.

– Что же касается моей породы, когда голоден, я мальтийский пёс, а значит, злой, кидаюсь на всех. А когда сыт, я собака молосских* кровей.

Диоген коротко хохотнул:

– Многие её хвалят, а на охоту взять не решаются.хлопот не оберёшься! Кто хочет общаться со мной, боится неприятностей. Тем живу: кто бросит кусок – тому виляю хвостом, кто не бросит – того облаиваю, а злого человека – и покусую.

Александр почувствовал себя свободнее, разговор начал интересно складываться. Помимо любопытства у него появилось желание понять смысл такого, казалось, неестественного существования мудрого человека.

– Диоген, из всего, что говорят о тебе, я пока постиг лишь малую часть. А хочется узнать больше, услышав твои слова.

– А что говорят?

Диоген хитро прищурился; по характерным складкам, отобразившимся на сморщенном лице, ему давно известно, что говорят о нём люди. Но, видимо, ему хотелось это услышать от неожиданного собеседника.

– Я слышал, что во время пирушки один шутник бросил со стола кости в твою сторону со словами: «А это собаке».

– Не скрою. – Диоген удовлетворённо кашлянул. – Он и остальные гости смеялись. А ты не знаешь, чем закончилась эта история? Я поступил, как собака в подобных случаях. Подошел сзади к шутнику и помочился на его ногу. Он сильно возмутился, а другие смеялись от души.

Диоген задумался, видимо, переживая приятные воспоминания. Александр прервал молчание:

– Позволь спросить, где твой дом?

– А вот! – Философ безразлично махнул рукой в сторону вместительного глиняного кувшина, пифоса*. – Кому-то он в хозяйстве не понадобился из-за трещины. Мои слушатели обнаружили его и притащили сюда. В нём живу.

– Ты называешь его своим жилищем?

– Для собаки конура, для меня – пифос.

– Но впереди зима, будет холодно. В нём нет очага, на чём будешь готовить еду? Как согреться?

– Укроюсь одеялом.

Через широкую горловину сосуда Александр разглядел подстилку из засохших водорослей, ветхий шерстяной плащ с дырами. «На полу» медный светильник с помятыми боками, глиняная чаша.

– А что ест любитель мудрости Диоген? – не отступался Александр.

Диоген не стал отмалчиваться:

– Мышь довольствуется совсем малым. Вот и я не стремлюсь к лишнему. Есть холщовая сума, посох да плащ; в зиму греет не хуже одеяла. Из еды – чечевичная похлебка и лепёшка.

– Разве ты не боишься прослыть нищим? Для свободнорожденного эллина должно быть зазорным такое существование. Люди таких не любят, презирают!

– Мне хватает того, что у меня сейчас есть и завтра будет. Меня не отвлекают заботы о еде и удовольствиях. Я сыт философией, оттого уверен, что бедность – не убогость. А как чувствуют себя богачи? Они в бесконечных желаниях заботятся о том, чтобы копить богатство и затем тратить его. Сколько хлопот у несчастных в этом смысле богачей! Но главное, что из-за вечного стремления богачей иметь ещё больше происходят войны, разорение и гибель народов.

– Ладно! А как быть с членами твоей семьи? Им-то нужен какой-то достаток от тебя?

– Семья – обуза для философа. Нет никого у меня: ни жены, ни детей. Подожду, когда устроится разумное государство, в котором жены станут общими.

– У тебя нет раба или рабыни, кто бы присматривал за тобой, ухаживал, если заболеешь?

– Кинику рабы ни к чему. У кого есть раб, тот становится ленивым и надменным. Я не хочу быть таким человеком.

– Но кто тебя похоронит, когда ты умрёшь? Смерть неизбежна для каждого!

Диоген вяло скривил губу и показал на пифос.

– Кто пожелает прибрать к рукам мой нынешний дом, тот и захоронит, как велит обычай. Хотя не огорчусь, если тело моё бросят без погребения.

– Но хищники и стервятники съедят твоё тело! – удивился Александр.

– Я попрошу, чтобы рядом положили палку. Буду отгонять всех, кто станет терзать мою плоть.

– Ты разве почувствуешь?

– Возможно, нет! – ответил Диоген с прежним безразличием. – А какое тогда мне будет дело до грызущих меня зверей?

Разговор о смерти утомил философа. Он устало откинулся на песок и закрыл глаза. Но Александра захватило общение с ним, он проявил настойчивость:

– Ты не жалеешь, что стал философом?

– Пришлось поневоле. Виноваты земляки, жители Синопа. Они изгнали меня из города.

– Неужели такое с тобой случилось? Ведь изгнание – ужасное испытание, которое неизбежно влечёт лишение гражданства, что равносильно рабству! Видимо, имелась серьёзная причина?

– Правда! Как и то, что мой отец, трапезит – денежный меняла и ростовщик, имел лавку на рынке. Я подростком помогал ему и другой судьбы для себя не предвидел: до конца жизни сидеть в родительской лавке, извлекая прибыль из разницы при обмене монет и доле от денежных ссуд. Если бы не посещение храма Аполлона в Дельфах. Меня взял с собой отец, я услышал оракул: «Переоцени ценности», но понял по-своему. Подделал несколько монет, «переоценив их ценность», а когда обман раскрылся, отца заставили отречься от меня. И за это моя благодарность землякам. Вынужденный скитаться по городам Греции, я слушал разных учителей мудрости; их знания о Природе и Вечности заполнили мой разум. С тех пор учу молодых людей обращать философию себе на пользу.

– Удивительные слова говоришь, Диоген. Неясные сложности становятся простыми. Ну а что приобрёл ты в изгнании кроме философии?

– Свободу! Свободу жизни и свободу речи.

Диоген выразительно посмотрел на Александра. Для обоих, нищего и царя, встреча принимала особый смысл. Если до его появления старый философ желал уединения, тишины, сейчас вдруг почувствовал нужду в общении с молодым человеком.

– Александр, ты обратил внимание, что философы – в основном небогатые люди, если не бедные? А хочешь знать, почему?

Не дожидаясь ответа, договорил с оживлением:

– Люди их не любят, так как они не способны жить по мудрым правилам. Потому что сказанное философом их раздражает. Как думаешь, если у храма будут стоять двое, одетые в рубище, – философ и калека, кому первому подадут люди?

Царь пожал плечами. Диоген с удовлетворением хмыкнул:

– С охотой убогому. Потому что знают, если судьба распорядится, хромыми и слепыми они могут стать, а мудрецами – ещё вопрос.

Александр понимающе кивнул.

– Я начинаю завидовать тебе, Диоген! Ты нищ, а счастлив! Поделись секретом! Я тоже хочу чувствовать себя счастливым.

– Если готов, слушай! Ты станешь счастливым, как я, когда объявишь беспощадную войну наслаждениям, которые постоянно предлагаются тебе со всех сторон. Они опасны тем, что пытаются соблазнить тебя посредством зрения, слуха и обоняния. Добавим вкус и осязание; к наслаждению призывают пища, питье и любовные приманки, во время бодрствования и во время сна.

Диоген показал на рубище, неопрятное, комканное, местами затёртое.

– Посмотри на себя: ты одет нарядно. Недурно одеты твои друзья и воины. Так повелось у людей с рождения – голого младенца прикрывают пеленками, а когда он вырастет – тканями, одеждой. Никто не догадывается, как при этом порождается изнеженность тела, что является большим пороком.

Старик показал на полуголоое тело.

– А вот одежда счастливого киника. Боги даровали людям легкую жизнь, примитивную, как природа, но люди омрачили её, придумав для себя изнеженность и роскошь.

В голосе киника проявились менторские отголоски:

– Из-за этих и других пороков люди ведут жалкий образ жизни, хуже, чем звери, для которых питьем служит вода из родника или реки, пищей – растения; большинство животных круглый год ходят обнажёнными. Они не ведают огня, как спутника в обиходе, живут по многу лет, сколько им предопределила природа, если преждевременно никто не лишит их жизни.

Философ облизнул сухие губы, собираясь, видимо, завершить беседу:

– Киники, как звери, живут заодно с природой, сохраняя силу и здоровье, не нуждаясь в лекарствах и лекарствах.

Довольный собой, он перевернулся на бок и показал Александру спину с дырами на хитоне. Пришлось тому, увлеченному беседой, переместиться, чтобы снова видеть Диогена перед собой. Философ воспринял его действие как приглашение продолжить разговор и задал неожиданный вопрос:

– Повсюду говорят, что ты собрался воевать. С кем и зачем такая спешка?

– Я дал клятву Зевсу, что покараю персов.

– Неплохое начало для молодого царя. А что будешь делать дальше?

– Врагов много вокруг. Нужно только угадать, кто прячется под личиной друга или союзника. Буду воевать с каждым, пока не разделаюсь со всеми.

– А когда у тебя не будет врагов, чем займёшься? – не унимался философ.

– Хочу пройти по пути Диониса, и если есть край земли, заглянуть за край, чтобы увидеть, что там есть. Если есть другие люди, тогда и определю – с миром к ним пойду или с войной.

– Другого ответа я не ожидал. Но когда ты будешь отдыхать?

Диоген приподнялся с песка, облокотился на локоть и с интересом посмотрел на собеседника. Царь задумался и пожал плечами.

– Не знаю, когда это произойдёт, но пока отдыха не предвидится.

– Безумный! – вскричал старик. – Ты откладываешь отдых на «после», не ведая, когда это случится! Посмотри на меня, я не стремлюсь завоевать все народы мира, поэтому отдыхаю уже сейчас. Отдых необходим любому человеку, тем более царю и воину. Ты поставил для себя безумную цель – бежать без отдыха дальним бегом, не приближаясь к цели! Подумай, ты не будешь вечно молодым, сильным и здоровым. Ты состаришься, как велит природа, если раньше не захвораешь или тебя не убьют враги.

Философ, похоже, не столько удивился, как расстроился:

– Ты опасно заблуждаешься, если хочешь завоевать Ойкумену! Никому не под силу совершить подобное! Мой совет: бери то, что недалеко от тебя, и дорожи тем, что у тебя есть сейчас.

В глазах у него появился блеск, уверенность придала жесткости голосу:

– Слушай меня, Александр! Здесь, на берегу моря, места хватит для обоих. Представь, ты и я. Царь и философ – мечта Платона. Немедленно отправь своих друзей по домам, а сам оставайся – продолжишь жизнь рядом со мной. Будешь счастлив, как я!

Александр с улыбкой оглянулся на друзей, слышат ли сумасбродные слова мудреца. Но они стояли поодаль и вполголоса говорили между собой о своём.

– Не могу принять твоё предложение, Диоген. Но вспомню обязательно, как только завершу свои дела в походе. Возможно, тогда и поступлю, как предлагаешь. А сейчас благодарю за содержательную беседу. А за то, что дал пищу для ума, проси, чего хочешь. Ведь я царь.

Он добродушно улыбнулся в ожидании ответа. Философ нахмурил редкие седые брови.

– Ну, смелее! – настаивал Александр. – Или твоя философия не позволяет просить чего-либо у царей?

– Отчего же? Просьба есть. Не заслоняй мне солнце, отойди в сторону.

Это слишком! Александр резко развернулся и поспешил прочь, не прощаясь. Друзья и охрана едва успевали за ним.

Всю дорогу в резиденцию он молчал, оставаясь под впечатлением встречи. Гефестион и Птолемей, обратив внимание на его задумчивость, попытались отвлечь:

– Киник действительно похож на пса – старого, худого, с облезлой шерстью, полной блох. Странно думать о нём, как о нормальном человеке.

Александр резко повернулся к ним.

– Диоген – человек, а не пёс! Ему нужно завидовать – ни от кого не зависит, в отличие от меня и вас. Он самый свободный человек в Элладе! Ему не нужны жизненные блага, никто не властен над ним, ни в чём не нуждается и никому не прислуживает. Властвовать над такими людьми, как Диоген, невозможно даже царям. Назовите хотя бы одного, равного с ним в свободах. Я – царь, а подобными преимуществами не могу похвастаться. Потому что постоянно чувствую себя связанным обязательствами перед народом и поставленными самим же себе целями. О, если бы боги предоставили мне возможность родиться снова, я хотел бы прожить, как Диоген.

* * *

По случаю назначения архистратигом Александр устроил в Пелле народные празднества, продолжавшиеся девять дней. Там же состоялись состязания выдающихся атлетов Греции и

Македонии, отчего народ назвал торжества Александра «Олимпийскими играми», по подобию тех, что каждые четыре года проводятся в Олимпии. Царь совершил жертвоприношение Зевсу Олимпийскому, смотрел все агоны – состязания сильных мужей на пределе физических сил. На стадионе на зрительских местах рядом восседали почётные гости из греческих городов и дружественных стран, союзников, кто отправлялся в поход на персов. Чтобы уберечь зрителей от солнца, натянули огромные полотнища, для тени. Во время праздника непрестанно происходили пиры и застолья, на которых участники хвалили царя.

Хорошее настроение Александра чуть не испортили знамения. Ему сообщили, как в храме Пиерии* покрылась кровью статуя Орфея*, словно вспотела. Придворный гадатель-мантик* Аристандр, видя обеспокоенность царя, глубокомысленно изрёк:

– Завидное предвестие бессмертия имени твоего!

– Поясни.

– Орфей – любимец Аполлона, певец и музыкант; его искусством заслушивались боги. Это позволяет предвосхитить твоё будущее, царь, когда поэты со всей Эллады будут воспевать твои великие победы.

Ответ устроил царя Александра.

Дион

По дороге из Коринфа в Пеллу Александр посетил Дельфы со святилищем Аполлона. К оракулу сына Зевса и непогрешимому прорицателю прислушивался каждый житель Греции, Македонии и остального эллинского мира. Богатые и малоимущие граждане, горожане и сельские жители, рядовые воины и полководцы хотя бы раз в жизни обязаны посетить всеэллинский религиозный центр, оставить дар ради того, чтобы из уст пророчицы Пифии услышать будущее. Цари и другие правители народов не начинали военные действия, не получив священного оракула.

На подходе к Дельфам Онесикрит предостерёг Александра:

– Я слышал, в храме существует особый порядок, когда Аполлон занят божественными делами. В это время не слышит голоса паломников, взывающих к нему. В такие дни Пифия не пророчествует. Вот почему нужно заранее известить служителей храма о желании посетить храм, и лишь после дают разрешение на посещение в определённый день. У тебя, надо полагать, договорённости нет.

– Договорись со жрецами! – занервничал царь.

Онесикрит поспешил вперёд и, узнав, что Пифию запрещено тревожить, вернулся.

– Ты, наверное, показался им слишком обходительным, – съязвил царь и поручил Гефестиону:

– Пойди ты! Не захочет принять, притащишь силком!

Пока друг отсутствовал, Александр нервничал, вышагивая перед храмом, не осмеливаясь нарушить границы священного участка. Появился Гефестион, растерянно развёл руками. Царь рассвирепел:

– Веди к ней!

Поспешил вслед, схватившись за рукоять меча. Онесикрит кричал вдогонку:

– Нельзя с оружием в храм бога!

От нетерпения в груди Александра бушевал огонь, в голове мешались мысли... Два жреца пытались преградить ему дорогу и тут же упали от сильных толчков в грудь. Угадав жилище Великой жрицы, ударил ногой в дверь.

В полутёмной комнате едва рассмотрел на постели полуодетую пожилую женщину с бледным лицом. Она попыталась укрыться какой-то накидкой. От неожиданности вскрикнула:

– Чего угодно тебе?

Низкий голос её прерывался от испуга или волнения.

Царь подскочил к жрице.

– Ты отказываешь мне в общении с богом?

От испуга она заверещала тонким голосом, потому что Александр схватил её за длинные седые волосы, стянул с постели и потащил к выходу. Пифия бесполезно хватала его за руки, отбивалась как могла, царапалась и наконец, обессиленная, выкрикнула:

– С тобой трудно справиться!

Александр неожиданно оставил жрицу и возликовал:

– О, Аполлон, я услышал твою волю!

Ускорил шаг, роняя на ходу слова:

– Это всё, что я хотел от тебя, безголовая женщина! Не хочу больше тратить на тебя время!

* * *

Как обычно перед большим походом, сборный лагерь организовали в Дионе, куда прибывали ветераны, испытанные в походах царя Филиппа, и новобранцы; кто хотел служить царю и Македонии. Но всех, чего скрывать, привлекала возможность пожить на войне, несмотря на ожидаемые тяготы и опасности, а то и смертельный исход. Пока обещано скромное довольствие на еду, приобретение оружия и прочего имущества, без чего невозможно представить воина в походе, царь дал слово выдавать ежемесячное жалованье, размер которого не шёл ни в какое сравнение с доходом ремесленника или селянина. Конногвардейцу предполагалось по шестнадцать драхм* и четыре обола* в день, всаднику из союзнического войска – на две драхмы меньше, македонскому пехотинцу – пять с половиной драхм, а греку-наёмнику – четыре драхмы. Если представить, что ремесленник в мастерской за день получал две драхмы, понятно стремление восемнадцатилетнего эфеба стать воином Александра. Но находились юноши, кто мечтал больше о славе, чем о достойном жалованье и военной добыче.

Вскоре наметился основной состав в тридцать тысяч опытных и обученных воинов, готовых к боевым действиям. К ним добавлялась часть наёмников из дружественных Македонии племён, позднее присоединились ещё семь тысяч тяжеловооружённых пехотинцев-гоплитов и шестьсот всадников от участников Коринфской Амфикистии. И всё равно воевать таким составом с Персией казалось безумием, потому что царь персов на случай войны по своим владениям собирал миллионную армию!

Дарий регулярно получал от тайных осведомителей в Дионе сообщения о настроениях в македонском лагере. Уверенный в малочисленности противника, не воспринимал его как опасность. К тому же Македонии настолько мала по сравнению с Персией, что беспокоиться не следовало. Его владения простирались от Европы, Африки и Египта до пределов в Индии! Разве можно без улыбки думать о молодом выскочке, как о достойном противнике? По силам карлику бросить вызов великану?

Александр представлял себе сложность поставленной Конгрессом задачи, но надеялся не только на свои силы, но и на поддержку части местного населения Азии – потомков переселенцев из материковой части Греции. По сведениям, они давно ожидали освободителя от персидского владычества. В свою очередь, Дарий не сомневался в лояльности собственного населения греческих городов, поскольку персидские цари благополучно покровительствовали им уже двести лет. Благодаря этому азиатские греки сохранили очаги собственной культуры, исконные ремёсла, формы национальной торговли и хозяйствования и даже части государственности с демократическими институтами власти на местах.

Александра не останавливала уверенность Дария в нерушимости персидского престола. Его не беспокоили обстоятельства, что ни он, ни его военачальники не представляли себе, какой путь и в каких условиях предстоит пройти в Азии. А ведь нужно преодолеть сотни и тысячи стадий* после Геллеспонта*. Никто в армии Александра не имел реального представления о местности за пределами Двуречья, долины рек Тигра и Евфрата. Что ожидает греко-македонскую армию дальше земель, лежащих к востоку за Персией?

И всё равно поход спешно готовился. Канцелярия по крохам собирала сведения, пользуясь донесениями прошлых лет от греческих торговцев, наёмников, лекарей и разного ремесленного люда, кто в разные времена служил у персидских царей и придворных. Александра выручал «Анабасис» Ксенофонта*, подаренный в юности Аристотелем; перечитывал дневник афинского военачальника с описанием пути греческого отряда наёмников из Персии в Грецию. Пригодился труд бывшего наставника с обзором политического устройства греческих и варварских государств в Азии, в том числе истории и культуры Персии.

* * *

Через три месяца Дион превратился в человеческий муравейник. В лагере налаживался суровый быт; что ни день, происходило формирование подразделений по боевому составу и численности. Готовясь к походным испытаниям, воины спали на земле, пользуясь подстилкой или плащом. С первыми лучами солнца пробуждались от гортанных звуков военных труб, готовили еду и приводили себя и оружие в порядок. Всадники сначала чистили и кормили коней, а потом уже уделяли внимание себе. Воины-ветераны следили за состоянием вооружения и доспехов новобранцев, учили ходить боевым и походным строем. Часть юношей, недавние пастухи и земледельцы, не знавшие обуви с детства, не изменяли привычки, продолжали ходить босиком. Войско постигало науку исполнять команды начальников, нападать на врага и преследовать, убивать и убивать, оставаясь живым. По сигналам трубы воины выстраивались рядами, чтобы затем перестроиться в наступающую колонну. Учились отражать удары вражеских построений, искусству организованно отходить, без потерь, а по команде вдруг повернуть назад и встретиться с врагом, победить внезапностью.

Под руководством командиров воины строились в пехотную фалангу – знаменитое детище царя Филиппа, с кем македоняне привыкли побеждать. Сын не отказался от фаланги; она стала живой плотью, телом войска, несокрушимой ударной силой. Изнурительными тренировками фалангисты приучались ловко владеть грозным оружием, сариссой – ударным копьём в шестнадцать локтей*; в бою оно должно выступать на десять локтей от плеча гоплита. Воины первой шеренги пробивают сариссами вражеские щиты, обездвиживают их; тем временем сариссы из второго ряда фаланги разят наповал беззащитных воинов противника. Никакие щиты или панцири не защищали от убийственного удара македонской сариссы. После первой шеренги в сражение вступают остальные воины фаланги...

Легковооружённые пехотинцы усердно упражнялись на дальность и убойность в метании коротких копий и дротиков, совершенствуя мастерство на мишенях и чучелах. Приёмы повторялись вновь и вновь, пока командиры не убеждались в поразительной точности своих подопечных.

Для Александра каждодневное посещение Диона вошло в привычку. По-другому не могло быть, поскольку будущее Македонии, как и его самого, слава и власть, теперь зависели от военной подготовки воинов в целом, боеспособности вновь создаваемой регулярной армии. Без его участия не проходило ни одно учение, где он проявлял настойчивость и требовательность к рядовым и командирам. Во время тренировок показывал боевую выучку, предельную выносливость и необыкновенную храбрость. Во главе отряда всадников ему пришлось преодолевать водную стремнину, вздыбившуюся после проливных дождей. Первые ряды замешкались, кони отказывались входить в воду, а он решительно направил коня в поток и умелыми действиями преодолел преграду. За ним, отбросив сомнения, остальные всадники повторили манёвр, уверились в своих силах.

Однажды в расположении лагеря схватили переодетого персидского лазутчика и едва не убили. Вовремя одумались и доставили к царю. Заглянув в бегающие глаза перса, Александр спросил:

– Хочешь умереть от пыток или в загоне с лагерными псами?

– О нет, царь!

– Тогда скажи, каких сведений ждёт твой хозяин? Насколько я силен?

Лазутчик вжал голову в плечи и кивнул. Александр обратился к командиру, который привёл перса:

– Проведи по лагерю, покажи всё, что у нас есть, и отпусти. Пусть рассказывает персам обо всём, что увидел.

Когда лазутчика увели, те, кто находился рядом, советники и командиры, в один голос воскликнули:

– Зачем проявляешь милосердие к врагу, да ещё раскрываешь наши тайны?

– Разве вы недостаточно сделали для возвеличивания мощи нашей армии? Я сделал это ради устрашения персов. Пусть убоятся нас прежде, чем мы столкнёмся с персами в сражениях.

В другой раз из расположения лагеря исчезли двое греческих наёмников, оказались предателями. Ситуацию обсудили на военном совете, на котором командиры услышали решение своего главнокомандующего:

– В лагере могут быть ещё предатели и лазутчики. Всех выследить и устранить не представляется возможным. Но мы их в покое не оставим. Возвращайтесь в отряды и повсюду говорите, что два сбежавших грека – наши герои. Они подсланы к персам, чтобы навредить ложным доношением.

Вскоре стало известно, что греческим беглецам в Персии не повезло. Им не поверили. Их пытали, отрезали языки, отрубили правые руки и отпустили. Предателей гнали отовсюду, как прокаженных, и вскоре они умерли от голода...

К концу лагерных сборов принято решение проверить армию на деле, ближе к реальности. Разделили на два войска, причём на неравные части; меньшему составу поручили наступление, остальным воинам доверили оборону. Потом устроили подобие сражения, предложив воинам биться, но поверженного не убивать. И хотя в лагере появились первые раненые, до убийства не дошло, царь остался довольным. Главное, чего он добился – каждый воин представлял себя частью единого тела, армии, где он боевая единица, без усилия которой победа невозможна. Теперь армия готова следовать за своим полководцем, куда бы он ни повёл...

Царские хлопоты

В свой первый день царствования Александр неожиданно испытал первое же разочарование, когда казначей привёл его к хранилищу и открыл дубовую дверь. На полу сиротливо стояли четыре неполных мешка с монетами, в углу кучка парадных царских доспехов и одежды. В казне оказалось всего лишь шестьдесят талантов! При Филиппе войны, происходящие почти непрерывно, не давали больших доходов, чтобы покрывать содержание армии. К этому неизбежно прибавлялись огромные расходы на строительство дорог в горах и крепостей в приграничных областях, городов на новых завоёванных землях. К тому же Филипп не гнушался празднеств и увеселений, многодневных пиршеств, что привело к опустошению царской казны. Его сын изумился при виде такого финансового наследства. Удивляло – как отец умудрялся вести разгульный образ жизни при огромных долгах! Одним торговцам Филипп задолжал пятьсот талантов, которые придётся отдавать его сыну!

Александр не приходилось заниматься казначейскими делами, налогами, собирать долги с покорённых городов, улаживать отношения с кредиторами, следить за состоянием казны. Решение таких проблем доверено товарищу по детству и юности Гарпалу, не годному к военной службе из-за ухудшившегося здоровья. Толстый и добродушный казначей с первого дня своего назначения добросовестно вникал в новые для него обязанности, выискивал любую возможность для пополнения царской казны.

Новый правитель Македонии не ошибся в выборе. Гарпалу удавалось находить новые заёмные средства у богачей в Афинах, Эгине и Коринфе – прежних злостных недоброжелателей царя Филиппа. По совету друга Александр приглашал погостить македонских аристократов и состоятельных торговцев, проводил с ними время в застольях и приятных беседах, оказывая почёт и уважение. Гости слышали его слова о любви к Македонии, призывы о помощи, чтобы сделать страну сильной, а её жителей богатыми. Мало кто мог устоять перед напористым обаянием Александра, ему верили и под весомые гарантии отдавали займы значительные суммы. Риск, конечно, но он обещал большие доходы при дележе будущей военной добычи. Ради получения новых средств изворотливым людям предлагалось управление золотиносными копиями на горе Пангей, отдавались на откуп таможни, порты, солеварни, царские земли, леса и прочее имущество – всё, ради сегодняшних поступлений в казну!

В результате активной деятельности царя и друга Гарпала в казне сложилась немалая сумма – восемьсот талантов, которых хватало на содержание войска, закупку оружия и технических средств осады, запасы продовольствия и фуража. Дополнительно на эти цели Александр почти полностью израсходовал личные сбережения. А ещё он помогал каждому, кто просил займы, или раздаривал, когда замечал у людей нужду. Увидев опечаленным одного из командиров Перилла, спросил о причине. Тот нехотя признался:

– У меня две дочери. Скоро им выходить замуж, а я уйду с тобой на персов. Не успеваю собрать необходимую сумму обеим в приданое.

Александр вызвал Гарпала. Зная наперёд, что услышит возражения, произнёс безразличным тоном, показывая в сторону Перилла:

– Выдай пятьдесят талантов.

На удивление, Гарпал промолчал, а возразил Перилл:

– Царь, зачем давать мне столько денег? Мне довольно и десяти талантов!

Александр резко оборвал:

– А мне не довольно дать, сколько ты хочешь. Мне довольно дать, сколько я хочу!

Как правило, никто из командиров и воинов, нуждавшихся в материальной поддержке, не оставался без внимания царя: из его личных средств оплачивались чужие долги, дарились рабы, строения и земельные наделы. Денег не хватало, так распродалось его личное имуще-

ство, усадьбы, земли с виноградниками. За считанные дни истрачены все денежные средства, чем он раньше обладал. А кто уходил с ним в поход, оставлял семьи с детьми, больными и стариками, продолжали идти со своими просьбами. Александр уже занимал деньги у матери, которая поначалу удивлялась его поступкам, а теперь не удержалась, спросила с подозрением:

– Сын мой, смотря на тебя, как ты неразумно поступаешь с наследством отца, я догадываюсь, что мой сын не собирается возвращаться в Македонию. Неужели?

Ответа не прозвучало, отчего в сердце матери зародились сомнения. Те же вопросы обуревали и его друзей. Пердикка в присутствии других товарищей по юности спросил:

– Ты оставил себе хоть что-нибудь?

Александр загадочно ответил:

– Надежду!

Пока друг думал над его ответом, пояснил:

– Взамен тех благ, что я оставляю в Македонии, мне будет довольно сокровищ, которые скоро отберу у Дария.

Пердикка оживился:

– Александр! Я и все твои друзья доверились тебе и выступаем против Дария с тобой. И мы хотим иметь в твоей надежде свои доли!

В глазах близких друзей царя, гетайров, высветилась вера в него, обещавшего им и Македонии реальную надежду на великое будущее. Оставалось только покинуть Дион, Пеллу, Македонию...

Накануне

Едва под весенним солнцем прогрелись стылые горные склоны Македонии и начали покрываться зеленью, командиры заговорили о походе. Вот-вот начнётся. Выучка и боевой дух у войска достаточно высокие, а длительное нахождение вооружённой массы людей без дела, на которые они нацелены, вело к истощению казны, запасов продовольствия и терпения у местного населения. Недавно царский казначей с грустью доложил, что в распоряжении царя осталось всего семьдесят талантов, и на месяц* – провианта. Пора уводить армию из Диона, дальше действовать по законам войны, захватывая чужую территорию и кормиться с неё, получая доступ к продовольственным ресурсам противника.

На время похода Македония оставалась без царя, но Александра это не тревожило. На такой случай отец доверял управление страной верному советнику Антипатру, и новый царь сделает то же самое. Временному правителю Македонии вменялись ещё обязанности наместника Греции следить за настроениями в тех городах. В его распоряжении оставался надёжный четырнадцатитысячный отряд, способный задавить любой намёк на недовольство греков или мятеж. Оставалась проблема – родная мать, непредсказуемая Олимпиада. Недовольная назначением Антипатра на первую роль, царица обиделась на сына; со своим неукротимым характером она постарается устроить против советника козни. Но если мать попытается нарушить хрупкое равновесие у престола, на радость врагам, сын стреножит её, как брыкливую кобылу, – если не ласковым словом и подарками, тогда строгими мерами.

На последнем заседании Военного совета заслушивался отчёт командиров среднего звена и военачальников о готовности армии. Явились Антипатр, Гефестион, Антигон, Неварх и Птолемеи, командиры отрядов кавалерии и пехоты – Алкет, Мелеагр, Каллас, Кен и другие. Антипатр, заранее сговорившись с военачальниками, опередил царя неожиданным началом:

– Александр, позволь как старшему по возрасту начать Совет с вопроса.

Царь насторожился, но не возразил, что означало согласие.

– Александр, – продолжал Антипатр, – под твоим командованием греки и македоняне вступают в жестокую схватку с Персией. Но во все времена македонские цари уходили на войну, когда у них рождался наследник. Война непредсказуема последствиями.

Советник оглядел военачальников, ища поддержки. Заметив одобрение, решительно произнёс:

– Царь! Совет военачальников настаивает, чтобы ты вначале женился, а когда жена родит сына, ты покинешь Македонию, когда посчитаешь нужным. Подобным образом поступают все цари.

Нависла тишина. Военачальники, пожилые и молодые, боевые командиры, опустив глаза, напряжённо ожидали реакции Александра. Она не замедлила быть бурной и возмущённой:

– Недостойное занятие для мудрого Антипатра – советовать жениться в то время, когда Персия изготовилась к войне. Разве сейчас можно думать царю македонян о выборе невесты, свадьбе и брачном ложе, когда в мой дом через горы Тавра* вот-вот придут жестокие варвары, а в наших гаванях появятся корабли Дария и его союзников, проклятых финикийцев и киприотов?

Не ожидавший такого отпора Антипатр не стал настаивать. Военачальники тоже отмолчались.

Совет продолжился в нужном для Александра режиме. Его интересовало состояние пехоты и конницы и какими средствами перевезти армию на азиатский берег. Для доставки почти сорока тысяч людей и сопровождающего обоза понадобится большое число кораблей. Хорошо, что, по союзному договору, греки обязались прислать в устье Стримона* сто шестьдесят трёхпалубных триер*. Но этого мало, требуется ещё столько судов! Он распорядился

немедленно отозвать македонский флот из Эгейского моря и Понта Эвксинского (Чёрного моря). Но чем больше привлекаемый флот, тем больше с ним хлопот и расходов. Ещё требуется набрать готовых матросов и гребцов! А где всё это взять, когда времени – в обрез!

Обсуждалось состояние вспомогательных подразделений, без них любая армия не сможет существовать. На Совете царь выслушал фессалийца Диада, начальника отряда технической поддержки, своего любимчика. Детище Диада – самбуки – стенобитные машины. Хорошие технические средства, но слишком тяжёлые и громоздкие, когда их нужно передвигать от города к городу. У воинов не хватает сил, и у тяглового скота, поэтому после каждой осады придётся бросать одни машины и делать новые. Цена дорогая!

– Дорогой Диад, пожалей моих воинов! – обратился к нему царь. – Мне нужно, чтобы твои машины разбирались на части, а при осаде быстро собирались воедино. Ещё попрошу, подбери в помощь умелых ремесленников да научи управляться с твоими машинами. И подумай, как соорудить приспособления, чтобы с их помощью воины могли бы преодолевать болото и реки и взбираться по скалам до самых вершин. Ты постарайся, любезный Диад!

Много полезного обсуждалось на Совете: сколько кузнецов и корабельных плотников наняли, чтобы армия в походе в них не нуждалась; кто будет заниматься вооружением боевых кораблей. Заслушивался отчёт Гефестиона о наборе мастеров по пошиву обуви и шорников для изготовления и ремонта конской амуниции и защитных кожаных воинских доспехов. По свободному найму на армию работали специалисты по наведению переправ и мостов, землекопы и особые кузнецы, мастера по изготовлению лебёдок и талей, крюков и гарпагонов, «железных рук», приспособленных для захвата или подъёма тяжёлых грузов. Всё нужно предусмотреть, обо всём позаботиться Александру.

Помимо всего армии нужны повара, лекари, массажисты и составители благовонных масел. Актёры, комики и фокусники развлекают воинство на отдыхе. Музыканты, певцы и поэты показывают своё искусство, без них не обходится ни один праздник в честь победы, ни одна пирушка; на кораблях наёмные музыканты играют на флейтах такты, чтобы команда разом двигала тяжёлыми вёслами. Эти люди не служили в армии, не носили оружия и доспехов, но без них воины не продержались бы и месяца. Поэтому в Дион отовсюду прибывали люди разных профессий, кто хотел хорошего заработка, а то и большого дохода за счёт случайного грабежа на территории врага. Таким образом, численный состав греко-македонской армии со всеми этим людьми составил сто тысяч.

И это ещё не всё. Некоторые женатые воины не хотели расставаться с семьями, прибывали в Дион с жёнами и малыми детьми, устраивая их в палатках за пределами лагеря. Нередко наёмники приводили за собой сожительниц или покупали наложниц, словно сомневались, что найдут женщин на территории врага. К армейскому обозу прибывались дорогие куртизанки и обычные «жрицы любви»; без их сладких услуг безрадостно воину в походе... Часть женщин принадлежала бойким сутенерам, торговавшим пороками за монеты и в кредит. Армию сопровождали торговцы, их целью являлась скупка военной добычи, рабов из пленников; не гнушались перепродажей предметов жизненной необходимости для воинов – продовольствием и вином, одеждой, оружием. Поход не начался, а простые греки и македоняне успели поиздержаться, набрали долгов под будущее жалованье и добычу. Кредиторы часто ругались с должниками, требовали возврата денег, и Александру приходилось за счёт личных средств выкупать синграфы – долговые расписки воинов, возмещать непогашенные ими расходы.

Перед походом сформировалась полевая канцелярия. В военных условиях без придворных советников и секретарей царю не обойтись. Важно и на войне сохранить нормальный процесс государственного управления. Над всем начальствовал царский секретарь Эвмен, которому поручалось принимать сведения с мест событий и письма, вести записи и учёт поручений царя, формировать ежедневные отчёты по расходованию средств на содержание придворных и

армии. Подготовленные Эвменом документы ежедневно подавались царю перед сном; тогда же Александр диктовал ответы, письма и поручения, а потом ещё читал исторические записи Каллисфена, царского летописца и племянника Аристотеля, о Персии. Бывший наставник отказался сопровождать Александра в походе, сослался на недомогания. А вместо себя прислал Каллисфена, владеющего обширными знаниями. Пока Александр в нём не разочаровался, прочитав его первые записи: «Я пишу об Александре не для истории, а для Греции, видя в нём не македонянина, но эллина».

* * *

В Дионе придворный художник Апеллес, обучавший юного наследника царя Филиппа рисованию, с большим трудом получил у Александра разрешение написать портрет. Царь не желал зря тратить время, сидя без движения; в мастерской нервничал и постоянно отвлекался; часто уходил, прерывая процесс творчества художника. Возможно, по этой причине, увидев законченную работу, он недовольно скривился, будто съел кислый плод. Потом крикнул слуге, чтобы привели Букефала, своего друга-коня. Когда конь появился в створе распахнутых дверей мастерской, он громко заржал. Апеллес отреагировал шуткой:

– Царь, я вижу, твой конь лучше тебя разбирается в живописи! Мне показалось, что Букефал узнал хозяина на портрете.

Александр в тот день не хотел портить себе настроение. Он поцеловал Букефала во влажные ноздри и ответил художнику, хитро прищуривая глаз:

– Вот и славно, Апеллес! А не сделать ли мне подарок подлинному ценителю твоего искусства? Решено, куплю для него портрет. Пусть висит в стойле.

* * *

Поход начался в весеннее равноденствие 334 года до н. э. Проходя мимо первых рядов войска, Александр заметил воина, который спешно крепил ремень на дротике. Царь разгневался:

– Ты негодный воин, если готовишь оружие, когда его пора пускать в ход! Македонии не нужен такой воин! Пошёл прочь!

Походные колонны медленно вышли из Диона, будто огромная змея из норы, где пребывала в зимней спячке. Пересекли долину реки Стримон, через три дня оказались на побережье Геллеспонта с европейской стороны. В городе Сест* армию ожидали четыреста судов. Помимо войск грузились лошади и мулы, провиант, снаряжение. Корабли союзных городов Византия*, Халкедона*, Кизика* и Абидоса* всё это время стерегли воды пролива от нападения вражеского флота. Но персы не появились. Хотя и много имелось доносителей у персидского царя, не угадал он время выхода греко-македонской армии. Персы не могли представить себе, что Александр решится на морской переход в неблагоприятное для навигации время. Проглядели, на свою голову!

Перед посадкой на триеру царь посетил местный храм, где совершил жертвоприношение покровителям Македонии: Зевсу, Гераклу, Афине и Дионису. Жрецы показали древнее святилище, где, по преданию, находилась могила Протесилая, о котором говорил Гомер, будто он первый из греческих воинов ступил на берег у легендарной Трои и первый был убит. Александр задумчиво осмотрел холм с погребением Протесилая, совершил ещё одно жертвоприношение. Дрова на алтаре долго не зажигались, потом вдруг ссунулись на бок, в сторону холма и... вспыхнули ярким пламенем. Прорицатель Аристандр успокоил:

– Для тебя доброе предзнаменование: боги и герои обещают покровительство.

Глава пятая Бросок копья

Испытание Граником

Ростр триеры с лёгким шипением стремительно вонзался в невысокие изумрудно-зелёные волны Геллеспонта. Александр пристально вглядывался в смазанную линию горизонта и не замечал ни солёных брызг, ни времени, проведённого на открытой палубе. Нескончаемой вереницей текли мысли ясные, осознанные...

Отец однажды сказал ему: «Македония тебе мала, сын! Ищи себе другое царство!» – и с этого дня жизнь наполнилась неутолимимым стремлением покинуть Пеллу, своё Отечество, отправиться неведомо куда в поисках новой для себя цели. Вот она, Азия – начало его божественной судьбы и славы! Обратного пути нет...

Александр повезло с самого начала: персидских кораблей нигде не замечено, македонский флот пересекал пролив при полном благоприятствовании. Попутный ветер облегчал кораблям ход, гребцам не пришлось непосильно налегать на вёсла, за что моряки благодарили повелителя морей Посейдона.

Царский корабль попал в окружение нескольких стай дельфинов; плавники и хвосты мелькали повсюду. Впереди плыли мелкие особи; молодёжь, словно в сложном танце, выписывала на водной глади замысловатые узоры. За ними плыли родители, величественные и прекрасные – настоящая стража. Как весной пастухи пестуют на пастбище нежных ягнят, так семейные пары следят за детьми, чтобы ничто дурное не коснулось их...

Глядя на чудесных дельфинов, удивительный восторг охватил Александра. Зрелище привлекло внимание воинов, особенно ободрила моряков. Аристандр не преминул отметить необычное состояние Александра:

– Повелитель морей и океанов Посейдон всегда появляется в сопровождении дельфинов. Они царят над рыбами; как стрелы, выпущенные из лука, носятся они по морю, и их пронзительный взгляд замечает каждую рыбу, укрывшуюся в расщелине или зарывшуюся в песок. А сейчас эти царственные существа сопровождают тебя, царя людей, словно бога. Хороший знак! Предвещает твои победы!

Александр промолчал, приятно задетый за живое... Но смущал известный ему факт, что фракийцы совсем по-иному обращались с дельфинами. Они имели обыкновение употреблять их мясо в пищу, а жир для светильников. Охотились, как на морских животных, которые, не ожидая от людей никакого зла, близко подплывали. Жестокие варвары! Они не только сами не могут приблизиться к богам или коснуться их алтаря своими нечистыми руками, но и жертвы их не будут желанны. Ибо боги не приемлют убийство властителей пучин...

На середине пролива кормчий остановил царскую триеру для совершения жертвоприношения Посейдону. В мире, где властвуют боги, людям приходится исполнять обряды, чтобы не навлечь их гнев. А в непредсказуемом морском царстве всё неожиданно и предельно откровенно: где недавно присутствовали безветрие и гладь, внезапно вздымаются волны, с чудовищной мощью обрушиваются на корабли, топят или выбрасывают их на берег, где несчастные жертвы кромсают прибрежные скалы, злобно гложут камни, как голодные звери свою добычу...

На кораблях подняли вёсла и собрали паруса. Закололи белого быка, в золотую чашу пролили жертвенную кровь. Тушу разделали, куски отдали корабельной команде и воинам для совместной с богами трапезы; потроха и чашу бросили в море – в дар морским божествам – нереидам. Затем корабли продолжили путь в сторону бухты Сигей*, куда тысячу лет назад

греки-ахейцы привели корабли для войны с Троей. Одного из них звали Ахиллом – бесстрашный воин, легендарный предок рода матери Александра...

Гефестион несколько раз призывал друга оставить палубу, спуститься вниз, отдохнуть до завершения пути, а он отказался, с удовольствием подставляя обветренное лицо свежему дыханию моря. Образ Посейдона не отпускал царя, он уже сам представлял себя богом, мчащимся по волнам на колеснице с белыми златогривыми конями... Ощущал могучей стихией, вырывающейся из мятущейся молодой души с силой, до сих пор дремлющей под поверхностью сознания. Как Посейдон в непогоду выплескивает ярость, а затем возвращается в спокойные глубины, так и Александр способен в гневе натворить немало необъяснимых поступков, чтобы потом успокоиться, утихомирив рассудок, и стать добросердечным...

* * *

Приземистый берег медленно надвигался на триеру белопенным прибоем. Азия рядом, рукой подать... Александра охватило чувство неистового восторга; выхватив у стоящего рядом воина копье, он широко замахнулся и сильным рывком послал копье вперёд. Повинуясь молодой мощи, оно долетело до волнующейся кромки и вонзилось в берег. Друзья-гетайры, воины и командиры, укротив намерения сделать то же самое, молчаливо наблюдали за его действиями. Никто не посмел опередить царский бросок, представляющий собой древнейший священный ритуал. Символ «первого копья» обозначал силу и значимость человека, кто его послал, и также «право на землю».

Корабль уткнулся носом в мелководье. Александр, за ним остальные попрыгали в воду. К берегу в спокойной воде небольшого залива один за другим приставали остальные корабли с воинами греко-македонской армии...

Александр понимал, что одного броска копья не достаточно, чтобы обрести законные права на Персидское царство. Право на землю требует завоевание через победу над царём Дарием. Но это необходимо сделать, как советовал когда-то царю Филиппу афинский оратор Исократ*: «Прошу тебя, завой в Азии земли от Киликии* до Синопы*. Выгороди земли, отдели себе их и займись основанием новых городов, куда поселишь тех бездельников, кто ныне шатается в греческих городах по недостатку денег для нормального существования и обижает кого ни попадя».

Войсковые жрецы принесли жертвенные дары Зевсу, Афине Воительнице, отдельно Гераклу, предку царя со стороны отца. Решено обустроить лагерь для отдыха, на попечение командиров оставить ненадолго войско, и с несколькими гетайрами направиться к Илиону*. В тех местах когда-то находилась Троя, от которой уже не осталось даже стен. Аборигены, не вдаваясь в печальные воспоминания, растащили легендарные камни для жилищ и храмов.

От некогда цветущей столицы могучего Троянского царства осталось рыбацкое поселение Илион с ветхим храмом богини справедливой войны Афины. Александр совершил жертвенный обряд. Священнослужитель, привлечённый шумом, намекнул, что храм положено одаривать, на что царь, помедлив, оставил меч с рукояткой, украшенной золотыми накладками. Жрец оживился в предвкушении других даров и похвастался, что в храме с древних времён хранится щит богини, её эгида. Никому не дозволено брать в руки священную реликвию, кроме избранного богами героя. Но посмотреть не возбраняется. Услышав такое, царь с нетерпением произнёс:

– Веди к эгиде!

– Не уверен, что богиня сейчас позволит, – запинаясь, выдал из себя оробевший служитель; он уже пожалел, что проболтался.

Александр, нетерпеливо подталкивая жреца в спину, прошёл в опистодом – заднюю часть храма, где обычно покоятся культовые ценности и дары прихожан. В крохотном закутке отго-

рожденного помещения с устойчивыми запахами древности, на стене висел щит из потемневшей меди с изображением ужасной Медусы*. У Александра перехватило дыхание.

– Я возьму, – напористо произнёс глухим голосом. Жрец раскрыл руки, обозначая всем своим видом запретную тему, и воскликнул тонким от волнения голосом:

– Эгида принадлежит богине!

– Теперь она моя! Ты сказал, что герой может взять эгиду. Я тот герой!

Резко отстранив жреца, снял святыню. Прижимая к груди, заявил, обращаясь то ли к сопровождающим гетайрам, то ли к жрецу или самой Афине:

– Эгида послужит мне, пока я не покончу с Дарием! Потом верну, слово царя!

На выходе повернулся к жрецу.

– Храм и тебя не оставлю без своего участия.

Священнослужитель, осознав, что имеет дело с царём, показал на тёмный угол.

– Там лира Париса*. Не хочешь ли тронуть священные струны?

– Нет! А если бы ты указал, где спрятана лира Ахилла, тогда другое дело! Сейчас недосуг!

Меня ждёт Азия!

Уже за спиной услышал:

– Возможно, лира лежит в могиле Ахилла. Мне известно его захоронение. Его слова прозвучали, словно гром с ясного неба!

– Веди!

Шли недолго, преодолевая косогоры и овражки пересохших ручьёв. По дороге священнослужитель успел рассказать о смерти Ахилла так подробно, словно присутствовал на погребении:

– Семнадцать дней воины-греки оплакивали великую потерю, одевшись в пышные доспехи, вместе с ними Фетида и бессмертные боги. С Олимпа спустились Музы; пели погребальный гимн. Когда догорел костер, собрали кости Ахилла, положили в золотую урну, подаренную Дионисом. В урну положили и кости друга Патрокла, захоронили в одной могиле. Насыпали гору земли, далеко стало видно с моря.

С трудом пробираясь через заросли низкорослого кустарника, добрались до невысокого земляного холма, по признакам, очень давно насыпанного. Александр оставил спутников внизу – захотел побыть наедине со временем, Гомером, Элладой и предком – поднялся к вершине. Небольшой провал, сплошь заросший асфоделью*, говорил о давнем захоронении. Совершив обряд в честь своего предка-героя, принёс искупительную жертву троянскому царю Приаму, убитому греками. Удовлетворённый, спустился к подножию, там обнажился. Умастив маслом тело, вместе с другом Гефестионом обожегал три раза вокруг холма. Завершив, воскликнул с юношеским восторгом:

– Я не царь Македонии!

– А кто ты? – удивился Гефестион.

– Я общался с богами и героями. В меня вселилась бессмертная душа неистового Ахилла! Я, как он, разъярённым львом готов сражаться с персами!

Друзья не поняли, всерьёз он говорит или ещё не вышел из мифологического образа. Но то, что Александр вдохновился историей Гомера, заметили по приподнятому настроению.

Гефестион не разделил упоение друга-царя, промолчал. Поостерёгся напомнить, что Ахилл не сам распорядился своей судьбой – так решили боги. Мать Фетида, пожелав сделать сына бессмертным, погружала младенца в подземную реку царства Аида, Стикс, но держала за пятку. Тело стало твердым, меч отскакивал, но пятки чудодейственная вода не коснулась. Лишь Аполлон знал уязвимость Ахилла, обещал Фетиде хранить его и тайну. Во время войны греков с троянцами бог покровительствовал Трое, предупредил Ахилла, чтобы не проявлял жестокости, а он не повиновался и готовился сразиться с богом. Разгневался Аполлон и, незримый, направил стрелу Париса в пятку Ахилла... Неужели о таком исходе грезит Александр?

На следующий день войско направилось к Абидосу, где давно поджидала вторая часть македонской армии; она прошла до Коровьего Брода (пролив Боспор), где на торговых судах и рыбацких карабасах переправилась на азиатский берег*.

* * *

Армия воссоединилась, и теперь уместно подвести первые итоги. Во время перехода потерь избежали, удача сопутствовала и в храме Афины у Илиона. Царю досталась священная эгида, с которой царь не расставался, на ночь держал у постели в палатке. Подарок богов? К счастливым обстоятельствам отнеслось и непредвиденное место захоронения Ахилла. Последовавшие за этим первые столкновения с авангардными отрядами персов приносили успехи, хотя всерьёз воспринимать их не приходилось. Персы не ввязывались в бои, имея в виду численный перевес македонян. Только сражение главных сил могло определить победителя в войне, обозначенной эллинами священной. В начале лета армии встретились у реки Граник* недалеко от Илиона.

Как только Дарий получил сообщение о появлении враждебной армии в прибрежных землях царства, он понял, что Александр желает воевать с ним на равных. В Персии знали об успехах сына Филиппа на Балканах, о разгроме Фив, но большого значения не придавали. Персидская армия настолько могучая, что одним сражением могла завершить войну. Но Дарий поразился удивительной бесцеремонности заносчивого Македонца и надумал немного потянуть время. Поиграть, как кошка с мышкой, чтобы наказание показалось болезненней, а сам Александр, ввергнувшись в ужас собственного поражения, показался бы смешнее смешного.

Из донесений шпионов стало известно, что у македонян всего шесть тысяч всадников и двадцать тысяч пехотинцев. Дарий направил к Гранику, где собирался проучить Александра, восемнадцать тысяч конных гвардейцев под командованием лучшего полководца – Мемнона. В поддержку придал тридцать тысяч пехотинцев, которые заблаговременно заняли высокий берег реки – противодействовать переправе.

На совете перед сражением самый пожилой из военачальников Парменион, осмотрительный в действиях, высказал Александру опасения:

– Нельзя переправляться сходу, да ещё на виду у персов. Они стоят очень выгодно для себя. Перебьют, как воробьёв в зерновом амбаре. Лучше дать войску отдых, в другом месте искать безопасную переправу. Я уверен, перед нами не основные силы персов. Если ничего против них предпринимать не будем, им надоест ждать и уйдут. Напасть не решатся. А следом мы переправимся без всякой опасности и потерь.

Александр резко оборвал:

– Вы слышите, чем озабочен наш прославленный полководец? То, что он предлагает, не соответствует ни славе македонян, ни моему обыкновению встречать опасность лицом к лицу. Мы не побоялись преодолеть опасный в любую погоду пролив Геллеспонта, а сейчас перед нами даже не река, а мелкий ручей! Мне будет стыдно за себя и войско, если поступить, как предлагает Парменион. Тогда персы узнают, что перед ними не их победители, а трусы; они возрадуются, когда узнают, что смогут и дальше удержать македонского воина, как неразумного ребёнка.

Военачальники не возразили, промолчали и после того, как Пармениона с небольшим конным отрядом царь отправил вверх от переправы. Чтобы наблюдал со стороны и вмешался бы только в случае необходимости. Гефестион во главе элитных всадников, с нетерпением рвавшихся в бой, начал переправу.

Как только первые ряды македонян вступили в реку, с противоположного берега на них обрушился ливень из стрел и копий. Мелководная переправа заполнялась трупами людей и животных, но смельчаки не замечали смертельной опасности. Упорно продвигались дальше, и

продолжали нести потери. Стало понятно, что дерзкий замысел Александра провалился; прозвучал сигнал к отходу. Когда пересчитали, сколько воинов осталось у Гефестиона, царь понял, что зря оскорбил Пармениона. Но признаваться в ошибке не пожелал.

Под ликование персов македоняне в печали собрали из воды и захоронили мёртвых, лечили раненых. До темноты слышали оскорбления, а потом всё стихло.

В совершенной тишине отряд всадников под предводительством Александра вышел из лагеря и отправился вдоль реки. Обнаружив брод, в отвесах утренней зари внезапно обрушились на вражеский лагерь. Одновременно с противоположного фланга напали конники Пармениона. Ничего такого персы не ожидали, и началось их избиение. Мемнон, остерегаясь полного уничтожения, призвал командиров к организованному отступлению, но оно больше походило на бегство. Персы уже почти не сражались, лишь двадцать тысяч греческих наёмников Дария, понимая, что пощады не будет, продолжали яростно сопротивляться. Они сдались, когда в живых остались две тысячи, и многие ранены. Из них отобрали афинян, надели колодки и отослали в македонские каменоломни. Царь сказал:

– Вы не служили Элладе, а предпочли стать наёмниками у персов. А фиванцев отпустите; у них больше нет своего города. Куда пойдут, меня не заботит. И фессалийцев сделайте рабами, потому что они отказались возделывать свою замечательную землю, за деньги служили Дарию.

В коротком сражении на берегу Граника персы потеряли две с половиной тысячи убитыми, а македоняне – сто пятьдесят всадников. Все молодые люди из знатных семей. Александр переживал их гибель, распорядился устроить погребение на берегу реки. А чтобы в Македонии родители и дети героев не ощущали болезненных потерь, освободил их семьи от налогов и податей. Перед тем как оставить место сражения, с почестями похоронили персидских военачальников и греческих наёмников Дария.

В сражении у Граника македонский царь едва не лишился жизни. Персидское копьё на излёте попало в щель между пластинами нагрудного панциря; застряло, но не поранило. Двое вражеских всадников заметили, как он замешкался, вытаскивая копьё, кинулись на него с мечами. Успел увернуться от одного, направив на второго своё копьё, которое сломалось о металлический нагрудник. Александр выхватил кинжал и ударил, целясь в шею; сошлись в рукопашную. Ещё один всадник ударил мечом по шлему и срубил гребень из белых перьев. Александр устоял, но перс вновь замахнулся для смертельного удара. Подоспевший Клит, друг юности, пронзил его копьём насквозь. Первого всадника царь убил.

После сражения он обошёл лагерь, посещал раненых, осматривал раны и советовал, как лучше лечить. Медицинские познания Александр получил подростком на занятиях у Аристотеля, владеющего лекарским искусством. Воины благодарили за участие, заводили разговоры о своих семьях, а он выслушивал каждого, хвалил и благодарил за храбрость, позволял выговориться.

Придворный ваятель Лисипп получил заказ отлить из бронзы двадцать пять статуй с изображениями воинов, отличившихся в первом сражении с персами. Статуи отправил в Македонию, обязав выставить на обозрение в Дионе. Среди героев находилась статуя Александра. А ещё отослали афинянам триста щитов, отобранных у персов, – в дар богине Афине Палладе (Воительнице); на них надпись: «Александр, сын Филиппа, и эллины, за исключением лакедемонян, отняли это у варваров в Азии».

Встреча с Артемидой

Союзному греко-македонскому войску после Граника открывался доступ в центральную часть Персидского царства; дальше расстилалась обширная долина Тигра и Евфрата. Первым на пути оказалась Сарды, столица порушенного персами Мидийского царства; теперь, сатрапия персидского царя с резиденцией наместника. Взятие города-крепости, надёжно защищённого толстыми стенами, представлялось проблематичным. На осаду уйдёт много времени, но если оставить Сарды позади, а позже вернуться, – чем не решение?

На подходе к городу македонян встречали. Празднично одетые люди в белых одеждах шли без оружия, с оливковыми ветками в руках. Царя встречали самые уважаемые горожане и начальник персидского гарнизона Мифрен, он же, комендант города. При виде Александра, верхом на Букефале, люди повалились в ноги коню, жалобно возопили и со слезами просили не разорять их жилища. Мифрен на коленях приполз ближе всех и сообщил, что готов преподнести Сарды ему в дар вместе с сокровищницей, хранимой в крепости.

Просьбы услышаны, Сарды приняты в дар, ценности из сокровищницы перешли в походную казну македонского царя. В благодарность за отступничество Мифрен остался правителем Сард.

На прощание жители слышали обещание, что у них появится новый храм, посвящённый Зевсу Олимпийскому. Предложил выбрать место для него. Люди спорили между собой о том, где стоять храму, но не договорились. Тогда Александр обратился к Небу, просил указать, как вдруг на безоблачном небе появилось облако. Оно продвинулось к городу и остановилось. Прогремел гром, и потоки воды пролились на руины древнего дворца мидийских царей. Воспринимая явление божественным знаком, Александр распорядился возводить храм на этом месте...

* * *

Дальнейший путь проходил мимо процветающего города Эфес, где с далёких переселенческих времён жили ионические греки. Когда-то эфесцы воевали с царём Лидии Крезом, восставали против власти персидского царя. Объединив усилия с Афинами, вытеснили персов с побережья Малой Азии, и против Афин воевали на стороне Спарты. Оставшись без поддержки Спарты, Эфес вновь перешёл под контроль Персии.

Александр донесли, что в городе находятся значительные силы персов, ожидаются корабли с пехотинцами. Поэтому поручил командирам готовиться к захвату Эфеса.

– Я хочу увидеть родину человека, сказавшего истину: нельзя дважды войти в одну реку. Его имя Гераклит, – объяснил царь.

Но до боевых действий не дошло. В гарнизоне служили не персы, а афинские наёмники; узнав о судьбе земляков в сражении у Граника, они исчезли из города, погрузившись на торговые корабли.

Из Эфеса македоняне сразу не ушли. Представители прежней власти, преданные персидскому царю, исчезли, а городом нужно управлять. Царь назначил выборы. Одновременно поручил выявлять сторонников Дария. Казнили главного – Сирфака, а его приверженцев изгнали. Эфесцы восприняли расправу как призыв к мародёрству, начались избиения богачей и разграбление их домов. Александр немедленно отреагировал: казнил виновников анархии, и нежелательные страсти улеглись.

За эти дни он узнал немало занятных историй. Каллисфен сообщил, что в эллинском мире Эфес известен храмом богини Артемиды, от которого остались, увы, руины.

– Эфесцы заверяют, что храм сгорел в ночь, когда ты родился, – со значением сказал Каллисфен.

– И что из этого? – Его заинтересовали слова летописца.

– Так гласит легенда. Святотатство совершил безумец, пожелавший прославиться. За неимением каких-либо особенных талантов он придумал такой безобразный способ заслужить известность. Опять же, говорят, что богиня не смогла помешать, потому что находилась у постели твоей матери в Пелле.

– Я знал, что моё рождение связано с волей богов. Как звали безумца?

– Судьи вынесли приговор, запретив произносить имя преступника. Лишили его надежды на посмертную славу.

– Но всё-таки мы сегодня вспоминаем этого человека, даже не зная имени. Я думаю, он добился, чего хотел!

– Да, добился. Но кто будет завидовать такой славе?

Дальше Каллисфен рассказал, как иеродулы, храмовые служители, мрачно переговаривались на пепелище: «Артемида покинула Эфес – дурное предзнаменование для Азии. Персию ожидают великие потрясения. Беда придёт с запада». Маги, поклонявшиеся Ахурамазде, бегали по улицам Эфеса, били себя плётками по голым спинам до крови и кричали: «На западе Ночь породила великое горе и бедствие; оно истребит Азию и переделает Ойкумену!» Такие детали заинтересовали Александра. Он пожелал увидеть пепелище. Но расстроился от зрелища: закопчённые остатки мраморных колонн, уныние и запустение вокруг, рядом образовалось болото...

Заметив жрецов в чёрных накидках, подозвал к себе:

– Я распоряджусь, чтобы храм восстановили. Пусть станет новым Чудом! Денег не обещаю, но разрешу использовать средства, какие Эфес передавал Дарию. Я обойдусь без ваших денег.

Отметив радостное оживление на лицах священнослужителей, добавил:

– Храм восстановлю при условии: в посвятельной надписи на стенах храма должно значиться моё имя.

Вперёд выступил главный жрец.

– Эфесцы благодарят тебя, царь, за обещание. Но мы не принимаем твой дар, потому что на стенах храма должны быть посвящения богам, а смертному подобное непозволительно.

Заметив на лице царя недовольство, поспешил договорить:

– Если Александр думает, что он бог, тогда ему необязательно воздвигать для самого себя храм, как и посвящать другим богам.

Жрец смиренно добавил:

– Благодарим тебя, царь! Эфесцы ни в чём не нуждаются, особенно в такой помощи. Они обойдутся собственными средствами. Лишь бы им никто не мешал.

Прощение Милета

Александр придерживался ненасильственной политики по отношению к городам с греческим населением, если признавали его власть. Отряды Пармениона и Лисимаха действовали сразу в нескольких направлениях, ликвидировали неуютную македонянам олигархию, устанавливали демократические институты управления. Лояльные города освобождались от обременительных податей, однако «добровольные» жертвования на войну с персами продолжали иметь место...

Но такая политика македонского царя не всех устраивала, приходилось применять насилие. За два столетия персидского владычества азиатские греки привыкли жить без резких перемен, как бы трудно ни приходилось. Пример тому – богатейший Милет, «жемчужина» среди всех греческих полисов, крупный экономический и культурный центр Ионии с самой удобной гаванью на Эгейском побережье. Милет – родина мудрейших греков Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена. После поражения у Граника здесь укрылись остатки персидского войска во главе с Мемноном; он рассчитывал пересидеть здесь до подхода основных сил Дария.

Расчёт не удался. Начальник гарнизона Гегесистрат, просчитав свои возможности в обороне города, согласился сдать Александру Милет. Послал гонца с предложением. В этой ситуации Мемнон бежал в Галикарнас, столицу Карию*.

Уже на подходе к Милету македонский царь узнаёт, что Гегесистрат передумал, поскольку узнал, что к нему на помощь спешат триста кораблей киприотов и финикийян, союзников Дария. Спешно вооружает горожан, всех подряд, для защиты города.

Пришлось македонянам осаждать Милет и готовиться к морскому сражению. Македонский флот преградил доступ кораблям в милетскую гавань.

В ожидании сражения Александр находился на триере вместе с Парменионом. Увидел, как на скалу, возвышавшуюся на берегу, плавно взмахивая крыльями, опустился орёл.

Парменион показал на птицу.

– Посланец Зевса спешит с вестью, чтобы ты встречал врага в море.

Военачальники закивали головами, а царь не согласился:

– Ты хороший полководец, Парменион, но ты не Аристандр. Не так толкуешь знамение. Орёл может летать повсюду, и над морем тоже, а он выбрал камень на берегу. О чём это говорит? Милет одолеем с суши. У врага кораблей гораздо больше, чем у нас. На море нам не устоять.

Предвидение главнокомандующего оправдалось. Как ни стремились персы спровоцировать флот противника выйти в море и ввязаться в сражение, корабли оставались у входа в гавань. С тем ушли назад. Оставшись без поддержки, милетяне направили к царю представителя знати Главкиппа для переговоров о достойной сдаче города. Царь встретил его безжалостными словами:

– Милет – обиталище предателей! Вы клялись открыть ворота и передумали. Странное гостеприимство!

Лицо Александра оставалось непроницаемым.

– Вы сами накликали на себя беду. Возвращайся и передай: Милет повторит судьбу Фив!

Ранним утром жители, ужаснувшись, обнаружили у оборонительных стен мощные ударные механизмы. Камень сопротивлялся недолго; через первый же пролом в город просочились пехотинцы и открыли ворота.

После коротких уличных боев Александр неожиданно помиловал Милет. Прекратил насилие, а оставшимся в живых гражданам дал свободу. Совершил этот шаг не зря, тем самым показал малоазийским грекам, что он добр, но не терпит отказа. На внеочередном народном

Собрании его избрали стефанофором, иначе – правителем Милета, а молодёжь отправилась служить в наёмном войске.

На другой день флот Дария подошёл к городу, и уже македонянам пришлось отражать осаду. Успешно отбили, потопив несколько вражеских кораблей у самой гавани.

За время пребывания в Милете Александр принял трудное для себя решение. Неожиданно для всех, единомышленников и противников, решено отказаться от собственного морского флота на азиатском направлении. На этом настаивали Антипатр и казначей Гарпал. По словам царского наместника, существовала угроза нападения персидских кораблей на прибрежные города в Македонии и Греции. Исходя из реальности, приходилось возвращать флот в распоряжение Антипатра. Уже одно их появление охладит пыл Дария. И, главное, на содержание кораблей уходила значительная часть царской казны. Если армия существует за счёт добычи, поборами и военными трофеями, флоту в этом смысле ожидать нечего. Флот сражается на море; как правило, повреждаются корабли, тонут – а это огромные убытки! Гибнут команды, наём обученных навигации людей требует огромных затрат. А от действий морских кораблей поступлений в казну нет. К тому же численность македонских кораблей сравнительно небольшая, чтобы совладать с сильнейшим флотом персов.

На совещании, посвящённом судьбе флота, военачальники слышали такое объяснение царя:

– Я посылаю корабли для защиты наших городов, где они сейчас нужнее. Но мы победим персов на море не кораблями, а пехотой на суше.

Разглядев удивление на лицах командиров, поспешил с пояснениями:

– Мы сосредоточим усилия армии на прибрежных городах, где персы обеспечивают корабли продовольствием, водой и сменами корабельных команд. Мы отберём у Дария его гавани, и его флот не продержится на море и полгода.

Как показали дальнейшие действия, Александр избрал разумную тактику противодействия морским силам персов.

Но в шаге, малопонятном пока для военачальников, когда Александр передал флот Антипатру, имел скрытый расчёт: если при армии не будет кораблей, греки-македоняне не запросятся домой, когда им надоест воевать. Обратный путь домой будет по суше и только через победы в Азии. Он заставит армию побеждать...

Царица ада

Армия Александра стремительно продвигалась вдоль юго-западного побережья Малой Азии, не встречая в городах с коренным греческим населением сопротивления. Но взятие Галикарнаса оказалось сложным предприятием. Причиной стала сильно укреплённая крепость.

Обороной руководил сбежавший из Милета грек Мемнон, назначенный Дарием управлять Нижней Азией и одновременно командующим флотом. Прежде чем заняться осадой города, Александр поручил завалить землёй глубокий ров, чтобы подкатить стенобитные машины и устроить башни из брёвен для штурмовых отрядов. Защитники пытались их поджечь или разрушить, но технику надёжно оберегали мокрыми шкурами и огромными щитами.

Пять дней долбили стены, а когда удалось сокрушить часть кладки, защитники успели за ночь заделать брешь камнями. Так продолжалось не раз. Но Александр не торопил события, словно выжидал чего-то, известного только ему. Галикарнасцы же воспринимали как проявление слабости и совершали конные вылазки, часто безнаказанные. Городские ворота приоткрывались и выпускали немногочисленные группы всадников, и они с устрашающим гиканьем неслись на сближение с противником. Вызывающе выкрикивая оскорбления македонскому роду и царю, щедро осыпали стрелами и тут же мчались назад. Их не преследовали, но нервы у македонян иногда не выдерживали, и тогда несколько всадников, размахивая мечами, устремлялись в погоню. Нередко догоняли отставших храбрецов, после чего на виду у обеих сторон происходили смертоносные поединки.

Однажды во время затишья двое пьяных македонян вышли из расположения отряда и, несмотря на запрет командира, без опаски направились к городским воротам. Размахивая мечами и обзывая галикарнасцев трусами и прочими оскорбительными кличками, они призывали храбрецов из лагеря противника сразиться, «у кого осталась хоть капля доблести». Загремели засовы, воротные створки приоткрылись, выпустив двух рослых персов в нателёных металлических пластинах поверх плащей, в руках короткие мечи-акинаки и круглые плетёные щиты. Защитники стен взвыли от радости, подбадривая храбрецов, призывали наказывать варваров.

Противники схлестнулись в ближнем бою, пара на пару, пылая взаимной ненавистью. Скоро персы почувствовали, что македоняне успешней владеют мечами, начали понемногу отступать. Им в помощь из ворот вывалилась разъяренная толпа и едва не растерзала обоих сражавшихся македонян. Им пришлось отступать, ловко отбиваясь от наседавших врагов и стараясь не подставлять спины коварным ударам. Их товарищи не могли спокойно смотреть на избиение, гурьбой ринулись в свалку. Теперь отступали персы и, чтобы не быть убитыми, побежали к спасительным воротам. Македоняне не отставали, и когда, казалось, персидские воины спасутся, укрывшись за стенами, ворота перед ними закрылись... Осаждённые опасались, что македоняне ворвутся в город. На глазах защитников города персов перебили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.